

Б И Б Л И О Т Е К А

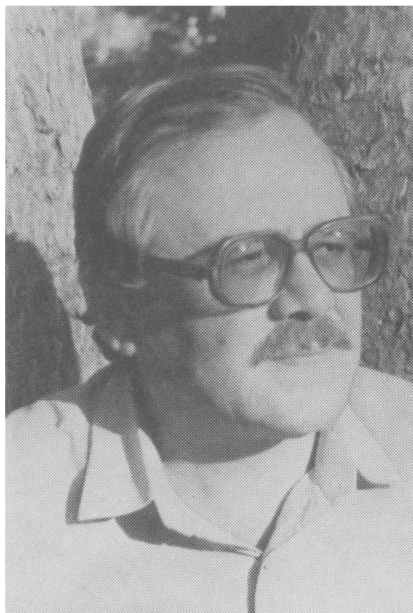
ISSN 0132-2095



ОГОНЁК

№ 22

1989



Евгений БОГДАНОВ

М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«П Р А В Д А»

**КНЯЗЬ
И ЕВРАЖКА**

Б И Б Л И О Т Е К А « О Г О Н Е К » № 22

Издается с января 1925 года

Евгений БОГДАНОВ

КНЯЗЬ И ЕВРАЖКА

РАССКАЗЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1989

Евгений БОГДАНОВ

Евгений Николаевич Богданов родился в 1940 году в рабочем поселке Варгаши Курганской области. Детство и юность писателя прошли в Зауралье, там же в 1957-м на машиностроительном заводе началась и его трудовая деятельность.

В 1966 году Евгений Богданов окончил Литературный институт имени Горького и несколько лет работал в качестве специального корреспондента центральных газет и журналов. Член СП СССР, автор сборников рассказов «Расписание тревог», «Песочные часы с боем» и др.

КНЯЗЬ И ЕВРАЖКА

Случалось ли вам встречать на улицах Москвы долговязую фигуру в рубахе навывпуск, подпоясанную ремешком, в белой полотняной фуражке, из-под околыша которой сразу начинается борода, обрамляющая молодое, даже юное, сухое и горбоносое лицо? Достопримечательностями лица являются также золотые очки и торчащая из усов трубка. Если в левой руке зажата ручка черного, с молдингами «дипломата», а в правой — тонкая, наборного дерева трость, то это не кто иной, как Юрий Юрьевич Кутасов по прозвищу Князь. Такова его летняя экипировка. Зимняя состоит из боярской шапки, длиннополого пальто, подбитого гачьим пухом. Зимой он носит тройку и белую сорочку с галстуком.

Князь работает гардеробщиком в одном из профессиональных творческих клубов. Деятели искусства, одетые по-современному, то есть как попало, невольно робеют, когда сдают на вешалку затерханные курточки и дубленки, а получая назад, норовят всучить чаевые. Князь берет, но берет с недовольной даже бы миной, бурчит в бороду:

— Бескорыстно вам благодарен.

Сколько я ни вдумывался в эту фразу, смысл ее для меня до сих пор темен.

Однажды я стал свидетелем, как литератор С., щеголявший об ту пору в бобрах, надевал какую-то мятую шляпенку и джинсовый лапсердак. На лице Князя читалось непритворное осуждение. С., смущенно и оттого сердясь, совал трешницу, окая более обыкновения:

— Этого, полагаю, довольно?

— Бескорыстно благодарю!

В другой раз обслуживал он Никиту М.. И хотя тот был одет не богаче остальной братии, Князь суетился с таким подобострастием, что М. сделалось неловко. Выхватив кепку, М. чуть не бегом припустил к выходу. Князь же, провожая его затуманившимся взором, прогудел:

— Древнейшего рода боярин М.-младший...

Меньше двугривенного на чай давать было непристойно. Я был крайне стеснен в средствах и, чтобы избежать гардероба, приходил в одном лишь свитере. А осень стояла сырая, ветреная, дело кончилось пневмонией.

Так я попал в легочную клинику под Звенигородом.

Сразу напрашивается фраза: «Каково же было мое изумление, когда...» И так далее. Нет, Князь поступил через два-три дня, а первым знакомцем, которого я там встретил, был Евражка.

Фамилия этого маленького, круглого человечка была Сычов, звать не то Коля, не то Толя. Жил он в нашем доме, в коммунальной квартире, в десятиметровой комнате. Родитель его, зажиточный сибирский мужик, предусмотрительно бежал в двадцать девятом году в Москву и поселился в Свиблове. Здесь скоро освоился, обзавелся домом. Служил где-то истопником (для видимости) — золотишка, какое вывез, вполне хватало на безбедное существование.

Евражка родился в Свиблове. В детские годы отец нередко сажал его на колено и, роняя пьяные слезы, внушал: «Сынок! Не будь дураком, как тятка! Тятка твой с малых лет хребтину ломал, рвался, как мышь на вышку, а чем оборотилось, а? Запомни святое правило: ешь — потей, работай — мерзни! Живи, как евражка! Мужик сеет, евражка жнет!» И надо заметить, тятины эти уроки были единственное, чему малец следовал с прилежанием. Даже от домашних обязанностей умел всегда увильнуть, предоставляя их простодушным сестрам. Зато у стола был первым. Старик Сычов с восхищением разводил руками: «Ну и трутень! И в кого ты экой? Право слово, евражка!»

Евражкой в Сибири называют суслика. Удивительное дело, Коля (или Толя) Сычов и внешнестью своей был совершенный грызун: щеки с нащечниками, головенка верткая, зубы мелкие, глаза востренькие, постоянно настороже. Понятно, что семейная эта кличка быстро выскользнула за порог дома и укрепилась на улице.

Когда Сычовых снесли и на том месте построили многоэтажный дом, семейству дали квартиру — по тем временам громадную, из трех комнат. Евражка к тем временам с грехом пополам одолел шесть классов и успешно коротал досуг на московских рынках, прислуживая дельцам, подворовывая и спекулируя самостоятельно, и был крайне раздосадован, когда подошла пора идти в армию. Но и от армейской службы ему удалось отвертеться, — комиссовали по нездоровью. Вернувшись в Москву, он куда-то устроился, куда-то ездил к восьми часам. Однако постоянная работа была ему нож острый; вскоре уж он опять сидел на шее родителя. Старик Сычов совсем сдал, обезножел, пристратился к выпивке. В магазин бегал Евражка, небескорыстно, взиная обязательные л а п т е в ы е. После смерти отца оставшиеся при матери сестры-вековухи, чтобы избавиться от Евражки, спешно провернули размен квартиры. Евражка получил комнату чуть ли не в тридцать метров. Несколько раз он менялся сам, получая все меньшую и меньшую площадь и в качестве возмещения — некую мзду (в обменных объявлениях это называется *по договоренности*), и в конце концов очутился в десятиметровке. Население нашего дома, не знававшее Евражку под настоящим именем, считало его украинцем, и даже старший по подъезду, составляя, напри-

мер, акт на лиц, уклоняющихся от субботников, в графе *фамилия* записал: Евразжко. О том, что фамилия его Сычов, сам Евразжка вспоминал, пожалуй, лишь когда ложился в клинику под Звенигородом.

Клиника была его ежегодный курорт. Как все курящие с детства, Евразжка страдал бронхитом и раз в году лечился стационарно. Разумеется, он не отказался бы полежать и чаще, но, увы, попасть туда было непросто, слишком много было желающих. Не то чтобы в этой клинике применяли какие-то сногшибательные процедуры, отнюдь; просто клиника располагается в живописном хвойном лесу, на крутом берегу реки, в подмосковной Швейцарии, и больные поправляются там не за счет сногшибательных процедур, а главным образом за счет природы, ее богатых озонов и других целительных свойств.

К госпитализации готовился Евразжка с лета. Перво-наперво устраивался на работу. Это было важное обстоятельство: за месяц лечения по больничному листу набегали кое-какие деньги. Да и отношение персонала к человеку работающему совсем иное, чем к неработающему. Устроившись, он начинал прикапывать средства на обновление гардероба. Благодаря разумной экономии приобретал рубашку, носки и тапочки. Зубная щетка и порошок, равно как и мыло, покупались уже сверх программы. Мылом можно было разжиться в самой больнице, а зубы можно было бы не чистить вообще, ограничившись полосканием. Но тут все зависело от окружения. Бывало, некоторые соседи по палате косились, подозревая в пользовании своими туалетными принадлежностями; так что лучше было обзавестись и щеткой, и порошком.

Не менее важно было лечь в больницу до холодов. В противном случае пришлось бы выходить на прогулки в куртке. Зимняя куртка эта сильно выносилась, засалилась, в отдельных местах лопнула. Вот почему надо было лечь в сентябре, самое позднее в октябре, чтобы на непогоду вытребовать халат. В пижаме ли, в халате ли Евразжка ничем не выделялся среди больных, приобретая статус равноправного пациента.

С первых же дней он развивал кипучую деятельность. Обследовал поля подсобного хозяйства, что принадлежало соседствующему с клиникой санаторию, заводил полезные знакомства на пищеблоке. Что стоило, например, подольститься к повару? Да ровно ничего! Зато тех же костей, дымящихся паром, с жирными хрящами и клоками мяса, можно было грызть вволю. Перед заправкой супа повар выуживал их из котла, бросал в бак, где они и становились Евразжкиным достоянием.

На подсобных полях он запасался морковью, капустой и черной редькой и мог с полным правом пользоваться холодильником. Большинство больных при выписке оставляли свою провизию. Евразжка зорко следил за этим. Проводив автобус, тотчас осматривал холодильник. Пакеты с провизией полагалось надписывать; поэтому Евразжка знал всех больных по фамилиям и номерам палат и оставшиеся без хозяев продукты прибирал к рукам.

В этот приезд все с самого начала складывалось неудачно. В первый же день лечения схлопотал выговор. На электрофорезе он приметил под кушеткой пятнадцатикопеечную монету, кем-то выроненную, и только сестра задернула ширму, юркнул под кушетку, забыв, что опутан электрическими проводами. Завкабинетом, услышав побряхтывания и постанывания, заглянула в кабину, страшно возмутилась и прогнала вон. Более того, сообщила об инциденте лечащему врачу. Так Евражка попался на карандаш.

С кухни его тоже вытолкали взашей; вероятно, повар в тот день встал с левой ноги.

В подсобном хозяйстве все было убрано, кроме несъедобной кормовой свеклы.

Непочатая пачка масла и полбатона колбасы, конфискованные как бесхозные, он игриво подписал *Евражкино*, и сестра, проверяющая содержимое холодильника в санитарных целях, изъала их, поскольку никакого Евражки в списках не значилось.

Покачать права он не посмел.

Палаты в отделении были многоместные и двухместные. Двухместные, в свою очередь, были спаренные, с общим туалетом и умывальником. Я попал в такую вот двухместную и был очень доволен, тем более что вторая кровать пустовала. Евражка тоже попал в двухместную, в один блок со мною, но в другую его половину и, судя по всему, испытывал дискомфорт. Во-первых, в многоместной палате жилось сытней, всегда перепадало что-нибудь от соседей, не тот, так другой угощал домашним гостинцем. Во-вторых, в большой палате было веселей. Сложившись как личность в многолюдье московских рынков, Евражка не переносил одиночества. И в-третьих, в большой палате всегда отыскивался человек, которому можно было услужать и получать лаптевые, тогда как единственный сосед мог не принять услуг. Вообще единственный сосед мог оказаться человеком некоммуникабельным. Евражке не повезло, именно таким и оказался его сосед, угрюмый, нелюдимый мужик с лошадиной челюстью. Главной процедурой в лечении Нелюдимо-го, по-видимому, являлось усиленное питание. Каждый день он поедал невероятное количество самых разных продуктов, привозимых женой и дочерью. Замечательно, что чем больше он поглощал пищи, тем больше мрачнел и замыкался в себе. Евражку к трапезам не приваживал. Стоит ли говорить, как бедолага обрадовался, когда увидел меня через стелжную дверь своей половины.

— Дядя Женья?! — вскричал он с искренней радостью. — Наше вам! С косточкой! Кху-ху!

Надо сказать, что хотя Евражка уже давненько разменял пятый десяток, все знакомые ходили у него в дядях: дядя Вася, дядя Вова и т. д...

Я поздоровался за руку, но подчеркнуто сдержанно. Евражка, однако, этого не почувствовал, уселся на порожнюю койку, засыпал вопроса-

ми: каков диагноз, за кем из лечащих врачей закрепили? Затем стал вводить в обстановку: где что находится, что за человек кастелянша, чем кормят и тому подобное. Я поддерживал разговор вяло, но Евражка не отставал, дожидаясь, очевидно, когда я распакую вещи. Ничего съедобного при мне не было, кроме зубной пасты, и знакомец мой поскущел. А когда я лег, Евражка загрустил совсем и уплелся к себе, в общество Нелюдимого.

Ко мне он мог заходить свободно — в чужие палаты строго-настрого запрещалось инструкцией. В холле у телевизора шутки и заигрывания Евражки успеха не имели, пресекались раздражительными телезрителями. Соседи по столу сплошь были женщины. Евражка затосковал. Единственным другом его души стала грелка, выданная для прогревания исколотых шприцем ягодиц. Он ухаживал за ней ревностно, протирал ваткой со спиртом, остающейся после укола, полоскал, воду в нее наливал исключительно из титана — кипяченую. Однажды я подсматрел, как он, шепча что-то ласковое, опускал в грелку кусочки сахара.

Как уже было сказано, Князь появился через два-три дня. Поселили его ко мне, и в палате, без того крошечной, стало тесно. Подоконник, тумбочка, стол, вешалка — все было загромождено багажом Князя. Казенную пижаму он отринул с негодованием. Действительно, казенные пижамы шьются отнюдь не в ателье-люкс. В представлении швейников раз уж человек болен, то должен быть и уродлив: если не коротконог, то короткорук. Лично я с великим трудом подобрал штаны. И то кастелянша распоролла обшлага и выпустила запас. Рукава куртки, в которую легко поместились бы два мои торса, пришлось носить закатанными: едва прикрывали локти. На Евражке, впрочем, порты и куртка сидели как влитые.

Князь облачился в атласный длиннополый халат с люриксом. На улице он выходил в шерстяном спортивном костюме и дутых синтетических сапогах. Голову венчала вязаная альпийка. Все было броское, дорогое. И обиходные вещи тоже были броские и дорогие, с аристократическим шиком. Чего стоил, к примеру, серебряный термос или мельхиоровая ложечка с капсулой для заварки. Туалетные принадлежности помещались, каждая в своей ячейке, в несессере красной кожи.

Евражка при виде всей этой роскоши затрепетал, заглядывал в глаза Князю с собачьей преданностью. Вероятно, таким и представлялся ему идеал соседа.

— Эй, как тебя? — зычно произнес Князь.

— Евражка, — отозвался тот.

— Угощайся. Евражка из Сивцева Вражка. — И Князь широким жестом протянул яблоко.

Евражка тотчас всадил зубы в яблоко, став донельзя похожим на грызуна.

— Нуте-с, — заговорил Князь, — как тут у вас? Изложи.

Евражка принялся расхваливать клинику, — несколько сбивчиво и косноязычно, но с большим чувством. В завершение обзора отважился пошутить:

— Главное дело, морг тут теплый. Можно в трусах лежать!

Князь взглянул на него с интересом. Сближение происходило стремительно, через короткое время они уже громыхали целлофановыми пакетами, закусывали: в термосе у Князя было нечто, более крепкое, чем кофе. Евражка ел вареные яйца вприкуску с сахаром, Князь же намазывал хлеб маслом, наносил слой икры и, прежде чем надкусить, восхищался совершенством изготовленного бутерброда:

— Как это, черт побери, интересно графически! Это черное на этом белом! Ты не находишь?

Евражка, поперхнувшись, сипел угодливо:

— Главное, кхм, что вкусно!

Князь угодил в больницу, переохладившись в бассейне Можайских бань.

— Не доверяйтесь водному простору! — наизадательно сказал он.

— Как? — не понял Евражка.

— Не *как*, а Данте! Вторая песнь «Рая». — Цитата явно предназначалась для моих ушей. Я сделал вид, что сплю.

— М-м, — почтительно произнес Евражка и завел разговор о недавнем футбольном матче.

Тема была близка обоим; Князь оказался докой:

— А я тебе говорю, не выиграли бы наши у англичан, ни в каком сне! Кабы не пенальти!

— А за что, дядь Юра, я забыл, пенальти-то?

— Ну как же, братец! Стыдно-с!

— Я забылши, — виновато вздохнул Евражка.

— Аглицкий форвард сбил нашего дурака.

— Дак ить и правильно сделал! Видишь, человек бежит? Уступи дорогу!

Князь раскатисто захохотал:

— Ну, Евражка, ну, юморист!

— У вас крошечки в бороде, — заботливо сказал Евражка.

Они причастились снова, Князь захмелел. Оседлав стул, взмахнул над головой тростью, скомандовал:

— Э-с-к-а-д-р-о-о-о-о-н... Шашки наголо! Рысью... Арш!

Затем вскинул бороду и запел, вращая выпученными глазами:

Четвертые сутки пылают станицы,
Над Доном утрюмо мерцает луна!
Не падайте духом, поручик Голицын!
Корнет Оболенский, налейте вина!
А где-нибудь тройки проносятся к Яру!
Но нам уж туда возвращения нет!

За нашим бокалом сидят комиссары
И девочек наших ведут в кабинет!

- Это из какой кинокартины? — заинтересовался Евражка.
— Осади назад! — рявкнул Князь и продолжил:

Над Доном над тихим ведем эскадроны,
И нас благославит Россия, ур-ра!
Не падайте духом, поручик Голицын,
Корнет Оболенский убит был вчера!

Глухо выкрикнув последнюю строчку, Князь выпал из импровизированного седла. Пришлось встать, помочь Евражке уложить его.

Я открыл окно, проветрил палату, — пикники в клинике преследовались жестоко.

На другой день врач назначила мне кислород. Кислородная установка на нашей с Князем половине не действовала. Врач предложила поменяться со мной местами Нелюдиному и Евражке. Первый наотрез отказался, второй согласился с радостью. Так Князь и Евражка окончательно соединились.

Обедать они ходили вместе. Завтраком и ужином Князь манкировал, кефир на ночь не пил, *так как в нем случаются неприятные комочки*. Дома кефир для него всегда процеживают; здесь же к этому нет условий. За обедом отказывался от винегрета:

— Что-о? Вот эту ботву нужно есть?! Чудовищно!

И Евражка забирал его порцию без лишних слов.

В тихий час они подолгу переговаривались, сонно перекатывая реплики от койки к койке.

— ...дядь Юр?

— ...что тебе?

— ...рассказали б чиво-нибудь!

— ...что именно?

— ...ну это...

— ...из области экстрасенсорных перцепций?

— Чиво?! нет, не надо!

Через некоторое время наступал черед Князя:

— ...Евражка?

— ...ну?

— ...зачем, скажи, Евражка, ты не женат?.. Есть у тебя женщины?

— ...а то как же!

— ...ну так женился бы!

Помолчав, Евражка отвечал:

— И так сойдет.

— ...неужели подходящей кандидатуры нет?

— Кандидатуры! Та рябая, эта корявая. Глаза разбегаются.

Сон не шел, Князь сажился в постели:

— Считаю, тебе необходимо жениться в высшей степени!

— Да на ком? На ком? — вскакивал и Евражка. — Мне надо, чтоб она была *все-для-дома*, водку чтоб не жрала, чтоб сердца бились в такт!

— Тут, Евражка, прежде всего надобно решить, для чего жениться! Ежели для плотских утех, женись на молоденькой; ежели для души, на вдове; а ежели для карьеры, на умной. А чтобы все три ипостаси вместе, такого не бывает! Не-ет, и не обольщайся!

— Ну их, баб этих, — говорил Евражка. — Слушайте, что расскажу!..

Все рассказы Евражки начинались так: *взяли мы пузырьек, коляску*¹ колбасы, сели..., а оканчивались каким-нибудь вздором. Князь плевался с досадой:

— Дурак ты, Евражка, и мозгов у тебя на одну пункцию!

Эта идиллия продолжалась несколько дней. Евражка осмелел до того, что однажды утром поприветствовал Князя запанибрата:

— Эй, борода! Привет!

— Пшел вон, ноздря! — ответил Князь и к завтраку не пригласил.

До обеда Евражка бродил, как в воду опущенный. Гуляя у корпуса, вскидывал глаза на наши окна; ему еще верилось, что Князь пожалеет его и приблизит к себе опять.

В тихий час на их половине было непривычно тихо, я уснул. Разбудил меня голос Князя.

— ...вот все считают, что ты, Евражка, большой подлец, — гудел он. — Не думаю, не думаю, хотя возможно. Возможно, все же подлец. Даже наверняка...

— Дядя Юра, чиво вы? Чиво я такого сделал? Зачем обзывать-то?

— Осади! Я еще не кончил. Так вот, почему ты ведешь паразитический образ жизни?

— К-какой? — жалобно переспросил Евражка.

— Нигде более трех месяцев не работаешь!

— Я на «Каучуке» три года вкалывал! На фабрике Ногина почти что год, на...

— Ты должен поступить в литейный цех какого-нибудь завода! — повысил Князь голос.

— Еще чиво! Я себе не двоюродный!

— Во-первых, там стаж начисляется год за полтора. А тебе время думать о пенсии. Во-вторых, дают пускай порошковое, но бесплатное молоко.

— Обойдуся. Сами его хлебайте.

— Ты как это разговариваешь?

— А чиво ты?

¹ Круг.

- Не ты, а вы! Еще и дерзит, дворяжка.
- А ты-то кто? — окрысился Евражка. — Швейцар!
- Я потомственный дворянин Кутасов!
- Дворянин, как же! В семнадцатом всех дворян вывели. Политанью.

- Ну, Евражка, ну, сукин сын...
- Сам такой! Осколок империи!
- Я сейчас из тебя сделаю осколок! — проревел Князь.
- Ай! — заблажил Евражка. — Дядя Женья! Он дерется!!!

Пришлось разнимать.

За рульку окорока Нелюдимый согласился поменаться с Князем палатами, и Князь перешел ко мне, а Евражка снова оказался в компании Нелюдимого. Грелку к тому времени у него отняли, потребовалась другому, более нуждающемуся больному. Свою любовь Евражка перенес на радио. Розетка находилась у его изголовья, и репродуктор считался как бы его собиной. Евражка и холил его, и спал с ним, укладывая у щеки на подушку, и сильно ревновал, когда Нелюдимый самочинно убавлял или прибавлял звук. Слушал Евражка все передачи подряд, слушал трепетно, как слушают лепет ребенка, когда тот только-только научается говорить. Внимая диктору, с восторгом повторял за ним окончания фраз:

- ...колосовые!
- ...содружества!
- ...октября!

Стенка, разделяющая нас, была тонкая, разошедшиеся двери не закрывались, а репродуктор не умолкал с подъема и до полуночи. Я попросил Евражку выключать радио, хотя бы когда идет гулять или на процедуры. Евражка проявил неожиданное упрямство, желая досадить, наверно, не столько мне, сколько недавнему благодетелю. Князь предложил воспользоваться его отлучкой и оторвать провода. Я сделал иначе: замкнул контакты. Вернувшись, Евражка долго, с нарастающей тревогой крутил регулятор громкости, щелкал ногтем по корпусу. Отчаявшись, позвал меня. Я высказал предположение, что перегорел динамик. Евражка не поверил. Взяв репродуктор на руки, как берут капризное, непослушное, но любимое существо, стал тихонько его покачивать, потом потряхивать, потом трясти. Тряс он его с такой силой страсти, с такой мукой в вытаращенных глазах, что мне стало не по себе. Ну а дальше получилось то, что трудно было ожидать: контакты встали на свои места, радио заговорило. Евражка просиял и нежно погладил его рукой.

Князь сошелся с преферансистами. После завтрака уходил в парк и до обеда не появлялся. Я почти не видел его. Жизнь пошла сносная, если бы не витийство Князя после отбоя. После отбоя Князь любил пофилософствовать. Стоило неосторожно обронить слово, как он тотчас подхватывал его и пускался в пространные рассуждения. Он знал подноготную всех здравствующих и покойных знаменитостей из мира ис-

куств, с некоторыми был на ты. Другой его излюбленной темой были Можайские бани, их достоинства и недостатки. Третья была интимная: генеалогия и геральдика российских аристократов. Он оперировал именами и титулами с осведомленностью энциклопедиста. И какое же ностальгическое сладострастие звучало в его голосе, когда он произносил имена князей, баронов и графов! «А верно ли, что вы потомок графов Кутайсовых?» — спросил я как-то. Князь, как писали в старину, моргнул усом и — ничего более, как не слышал.

Фамилия заведующей отделения была Раевская. Это сразу расположило Князя. Тотчас он открыл ей тайну своего происхождения, а она пересказала мне. По словам Князя, выходило, что он потомок известного русского артиллериста Александра Ивановича *Кутайсова*, павшего на батарее Раевского во время Бородинской битвы. В следующий раз, позабыв про эту версию, Князь сообщил ей, что является внуком известного белого генерала.

Истина открылась позже, когда Князя навестила мать. Князь засиделся в парке за преферансом, и мне пришлось развлекать ее разговорами. Это была простая деревенская женщина, не сумевшая ни омосквичиться, ни тем более замосковеть, хотя и прожила в Москве большую часть жизни. Приехала она в столицу из Кировской области, из беднейшей деревеньки Николюковки, про которую в округе пренебрежительно отзывались: Николюковка — ни перо, ни луковка. Приехала девушкой, строить университет, по комсомольскому призыву. Замуж вышла за земляка, тоже вятича, выходца из села Кильмези, предки какового спокон веку занимались извозом.

Наконец появился Князь.

— Маменька, — сказал он с неудовольствием, — я же запретил вам приезжать сюда!

Пропустив засмущавшуюся мать вперед, он задержался в дверях и сказал, казалось, без всякой связи:

— Горький пел в хоре, Шаляпин был репортером. Отчего бы мне не быть гардеробщиком?

В построенном маменькой университете Князь окончил некогда два курса естественного факультета. В настоящее время находился в бесспорном академическом отпуске.

Как сейчас помню, в пятницу четвертого ноября сестра-хозяйка дала мне ключ от душевой, дала тайно, день был не банный. Я помылся и предложил ключ Князю.

Князь замахал руками:

— Вы с ума сошли! Вы знаете, какой нынче день?

Как всегда, на нем был халат, но под халатом топорщилась накрахмаленная манишка.

— Какой же?

— Сегодня праздник Казанской божьей матери! — торжественно объявил он, повязывая галстук.

Евражка, услышав слово *праздник*, с надеждой высунул мордочку из-за двери.

И получил амнистию.

— Вот что, брат Евражка, — сказал Князь. — Сбегай в лавку, принеси чего-нибудь горячительного.

— Чиво?

— Коньяку принеси, поврежденный! Или водки.

— А лаптевые?

— Налью, — пообещал Князь. И действительно налил, когда Евражка вернулся с бутылкой в рукаве пижамы. Сверх того Князь не взял сдачу.

Так у Евражки завелись деньги. Налитое он решил приберечь к ужину и опять умчался в сельпо, чтобы *сообразить* там. Воротясь с успехом, закусил в столовой. Князь выпил и отобедал в палате. Оба пребывали в прекрасном расположении духа.

Беда стряслась, когда они отправились покурить. Обычно все курили в общем туалете, полулегально; курение в клинике тоже преследовалось, хотя и не так строго, как выпивка.

Едва Князь прочистил и набил трубку, едва Евражка размял бычок, как дверь с грохотом распахнулась. — Который из вас Сычов? Выходи!

— Ну я. Чиво надо-то?

— Чиво-чиво! Айда давай! — Сестра сгрэбла его за шиворот и повела в палату.

Что же произошло? Тем утром мы должны были сдавать анализы. Евражка на радостях совершенно забыл о них. Сестра, не обнаружив в лотке баночку с его именем, полезла к нему в тумбочку и учуяла запах спиртного. Что последовало далее, пояснений не требует.

— Почему мы здесь, не догадываетесь, Сычов? — спросил у Евражки дежурный врач.

— Нет, — отвечал Евражка, преданно глядя ему в глаза.

— Мы здесь по поводу ваших анализов.

— Анализы у меня всегда отличные! Со знаком качества!

— Видите ли, Сычов, в вашей моче нет ни миллиграмма мочи.

— А чиво же есть?

— Это вам лучше знать.

Евражка поблднел, метнулся к тумбочке. Так и есть, баночка с вечерним причастием исчезла...

— Вот она, не ищи! — злобно сказала сестра.

— Это же для растирания! — завопил Евражка. — Вон и дядя Юра подтвердит!

Князь подтвердил, что это у Сычова для растирания.

— А почему ж от тебе разит? — брезгливо спросила другая сестра, старшая. — Ну-к, дыхни.

— Не буду! — нашелся Евражка. — У меня стрептококки! Можете заразиться!

— Ничего, привышные. Дыши давай!
— Да пил он, Нина Степановна! — воскликнула дежурная сестра. — По морде выдать!

Такого в своем присутствии Князь перенести не смог.

— Вы что себе позволяете? Я вас спрашиваю! Что это за выражение: морда?!

Я дернул его за фалды, Князь не отреагировал. Пылая гневом, рывкнул:

— Дура!

— Что-что-что-что? — Дежурная сестра потянулась носом к его лицу.

— Осади назад!

— Нина Степановна! Сергей Васильевич! И этот пил! Сифонит как из винной бочки!

— Не твое дело!

— Что ж вы, Юрий Юрьевич? — укоризненно сказал врач. — Такой интеллигентный человек и...

— Имею на то причину! Праздник у меня нынче!

— Но вы ведь ознакомлены с нашими правилами?

— Видали мы ваши правила!

— На выписку, — сказал врач дежурной сестре. — Обоих.

Белые халаты с достоинством удалились.

Для Евражки эксцесс этот означал, что больничный лист ему выпишут *белый*, неоплачиваемый, и что пути сюда отныне ему заказаны. Осознав это, побежал вымаливать прощение у сестер и Сергея Васильевича. Князь хорохорился: порядки в творческом клубе славилась либерализмом, к тому же начался осенне-зимний сезон и администрация нуждалась в квалифицированных гардеробщиках. Однако чем черт не шутит? Отчаяние Евражки передалось и ему. Князь как-то враз полинял, ссутулился, борода и усы словно бы посеклись и висели ключьями.

Слух о печальном происшествии разнесся по отделению. В палату набились сочувствующие. Кто предлагал обратиться с прошением к главврачу, кто к Раевской, кто советовал замазать чем-нибудь пометку о нарушении режима и снять с больничного фотокопию. Все советы были нереальны и неприемлемы...

А через день, доев окорок, завершил лечение Нелюдимый.

Я остался один. Новый заезд ожидался после Октябрьской — на чetyре дня я был предоставлен самому себе. Можно было всласть выспаться, привести в порядок мысли и записи. Но, странная вещь, одиночество не принесло мне желанной радости. Промаявшись часа два над кроссвордом, я оделся и спустился в больничный двор. Темнело; гудели над головой сосновые кроны, в белесом небе наклеивалась луна.

Пустынная аллея вывела меня к реке. Сверху, из рощи, река была не видна, но близкое, влажное ее дыхание ощущалось кожей. Берег опу-

скался круто, внезапно. Для безопасности в глине были вырублены ступени.

Вода в реке уже по-осеннему затяжелела, замедлила ход, — луна стыла на ее зеркале неподвижно. У самого уреза светилась павшая, окоренная ива. Я сел на гладкий холодный ствол, закурил.

Мимо, переговариваясь, прошли мужчина и женщина. Фигуры их на фоне тусклой воды казались плоскими. Женщина вдруг сильно закашлялась. Мужчина подхватил ее; поддерживая за плечи, повторял, как заклинание:

— Люсенька! Люсенька! Люсенька!..

ФИЛАНТРОП

Дом возвышался в центре микрорайона, как остров. Он был обитаем, заселили поздней осенью, по холодам. Строителям зима потрафила, — огрехи благоустройства обнаружились только в марте. С приподъездных дорожек, провалившихся в иных местах, но все-таки бывших твердью, ступить было некуда. Вся строительная грязь — глина, песок, чернозем, — натасканная за зиму колесами самосвалов, башмаками бульдозеров и тракторов, превратилась в топкое месиво. По обочинам временной дороги еще держался слежавшийся, гранитной крепости снег; по нему кое-как можно было выбраться на автобусную остановку, в магазины, расположенные на другой, обжитой стороне улицы. Но и этот чреватый опасностями путь рухнул за прошедшую ночь, теплую, с дождем, и дом превратился в остров в буквальном смысле.

У подъездов столпились растерянные жильцы. Под аркой багрово-лиций комендант Пунтаков, стоя по колена в мутной воде, нашаривал ломиком канализационный люк.

— Крюк надо! Что твоя лом? — раздраженно заговорил Крупеник, жилец из второго подъезда. На жеребьевке (дом был кооперативный) ему выпал первый этаж, и с тех пор выражение ущемленности и обиды так и не сошло с его безгубой, асимметричной физиономии.

Пунтаков, кряхтя от натуги, выворотил крышку люка. Грязная полая вода с ревом ушла в колодец. Теперь можно было скоком, с камушка на кирпичик, переправиться на шоссе. Для безопасности Пунтаков закрыл колодец двумя плахами, валявшимися поодаль.

С этих плах все и началось.

Сначала Барышев хотел просто закрепить их, чтобы не расшлепывали грязь концами, когда наступаешь на середину. Сказано-делано, плахи легли намертво.

А уходить с улицы не хотелось. Дома ждала его пишущая машинка, заправленная чистым листом бумаги. Подождет до вечера, подумал он. Возле строящегося универсама он высмотрел брошенные строителями

ящики от стенового стекла. Ящики представляли собой щиты из трехметровых досок. Если распилить поперечины с интервалом в две доски, из каждого такого щита получится пять-шесть отличных мостков.

— Зачем тебе ножовка, Серожа? Выходной сегодня! — удивился Гогеля, его сосед по площадке. — Лучше проходи к столу, будем чай пить!

Барышев отказался, Гогеля, подавая ножовку, сказал с искренним огорчением:

— Какой ты несерьезный человек! А еще врач, научный деятель. Хорошее дело предлагаю!

Утро было свежее, звонкое. У громадного верстака возле универсама переругивались стекольщики. На приветствие Барышева не ответили, лишь посторонились, когда он ломом приподнял край верхнего щита.

Доски набухли сыростью, тупая неразведенная ножовка брала плохо. Барышев быстро упарился и сбросил куртку. Стекольщики между тем продолжали выяснять, куда подевался некий брус. Барышев поинтересовался, что за брус. Старшой сунул ему под нос неструганные бучковые колбышки:

— Восемь штук на месте, а от девятого контейнера нету! Как сквозь землю провалился!

— А для чего он? — простодушно спросил Барышев и пожалел о своем вопросе.

Старшой облял его и одного из своих — веснушчатого малого, который с вечера должен был прибрать злополучные бруски и не прибрал. Отсеяв вводные слова, Барышев докопался до смысла: по этим брускам бригада отчитывается за использованное стекло.

— Погодите, парни, — сказал он. — Я, кажется, знаю, где эта ваша штучка.

— Где? — Бригада сорвалась с места.

— Вон там, под теми плахами.

Стекольщики расшвыряли плахи, вытащили из грязи драгоценную колбышку и, облегченно галдя, понесли ее к верстаку.

Барышев надел куртку, молча подошел к разрушенному мостку, восстановил все как было. Потом, не глядя на стекольщиков, вернулся на свое место.

— Эй, — окликнул его старшой. — Ты откуда знал, что брусок тама?

— Я сам его туда положил.

— Во га-ад...

— Ага, Вась, дай ему по хлебальнику! — посоветовал конопатый.

— А что? — поддержал конопатого еще один. — И надо! Чтoб вперед неповадно было.

— А ну, вали отседа! — рявкнул старшой.

— Захлопни зев, — сказал Барышев. — Надует.

Конопатый и двое других приостановили работу.

— Да ты что, мужик? — сказал один из них миролюбиво. — Ты беги, беги давай, пока целый. Вон у Василия кулак какой. Что твой пресс! Старшой, сбывчив голову, уже шел на Барышева.

Барышев посмотрел поверх его шапки на свой многоквартирный дом. Там беспечно завтракали, смотрели утренние передачи и вообще радовались выходному дню. Тогда Барышев выхватил из-под счита лом, занес над головой; чувствуя, как противно пресекается голос, проговорил:

— Еще шаг, и я раскокаю ваше стекло к чертовой матери.

Стекольщики замерли, — всяк на своем месте, четверо против одного, — и вдруг Барышев заметил, что старшой пятится. У него занемели руки, а тот все пятился, пятился, бессмысленно моргая базедовыми глазами.

— Вась! Не связывайся! — запоздало сказал конопатый. — Он же шиза. Им что, у них справки, а мы расплавивайся.

И в эту минуту рядом раздался крик.

Кричала старушка с хозяйственной сумкой на шее: сбилась с тропки и увязла в глиняном месиве. Сперва ногами, потом руками.

Старшой выплюнул изжеванную до табака папиросу:

— Что ж ты, бабка, под ноги не глядишь?

Конопатый звонко захохотал.

— Спасите! — надсадно вопила старушка, увязая все глубже.

— Тихо! Не трепыхайся! — Старшой в два прыжка оказался подле и приплясывал, не зная, с какой стороны сподручней ее тащить.

— Тихо, говорю!

— Дай тебе бог доброго здоровья, — всхлипывала старушка, пока он поочередно вынимал из грязи ее руки и ноги. — Дай тебе бог доброго здоровья, милоч...

Конопатый едва не лежал от смеха, корчился и раскачивался, другой (миролюбивый) хохотал беззвучно, прикрывая рот рукавицей. И только четвертый (молчун) возился у верстака, протирая ветошью стеклянный лист.

Старшой вынес старушку на сухое; очистив сапоги щепкой, подошел к своим:

— Хватит скалиться!

Стали размечать очередной лист. Конопатый осторожно влез на стекло, лег животом и вытянулся во весь рост. Ему подали стеклорез, взяли за ноги.

— Ну? — спросил старшой, выравнивая линейку.

— К старту готов!

— Плавно! Па-а...шел!

Конопатый, вжавшись в стекло, стремительно скользнул по поверхности стекла, прочертив риску надреза, — белую, как инверсионный след.

Солнце стояло уже высоко. Барышев пилил и пилил; из одного щита получалось четыре секции, а не пять и не шесть, как он рассчитывал. Он отнес первую партию к изначальным плахам, стал укладывать. Деревянный тротуарчик вытянулся метров на пятнадцать, но не покрыл и четверти трясины. Барышев притоптал готовый участок, проверил, не танцуют ли где доски, подложил в нужных местах камня и опять вернулся к щитам.

Стекольщики между тем устроили перекур, поглядывали в его сторону. Наконец конопатый не утерпел, подошел к нему:

— А это какая у вас пила? Поперечная? Или продольная?

Барышев пожал плечами.

— Дайте-ка! — Конопатый выхватил ножовку из рук Барышева; держа вверх зубьями, приложил к глазу, точно прицелился, потом вытащил плоскогубцы. Стальное полотно заметалось в его руках, как рыба. — Держите!

Барышев поблагодарил: дело пошло быстрее и легче.

— То-то! — сказал конопатый.

— Слушай, — улыбнулся Барышев, — а ты почему такой конопатый?

Стекольщики оживились:

— Он у нас не конопатый, он крапчатый!

— Через сито загорает!

— Да, для здоровья! — ответил тот и протянул руку: — Коля!

— Барышев.

— А по имени?

— Сергей... Львович.

— Годится, — сказал Коля-крапчатый. — Кривцов! Николай Петрович.

Когда Барышев покончил со вторым щитом и перенес готовые звенья, к нему обратился миролюбивый:

— Интересно узнать, это вас жильцы наняли?

Барышев не ответил.

— И поскольку с носа? Поди, копеек по двадцать?

— А тебе мало? — сказал старшой. — Если с каждой квартиры, хм... рублей полста получается... Вона домина какая!

— Да я просто так, — сказал Барышев, — размяться...

— А-а, — протянул миролюбивый. — Конечно, ежели труд умственный, размяться полезно. Вы кто будете по специальности?

— Врач.

— Да что вы? — обрадовался миролюбивый. — А посоветуйте, что делать: как бормоты выпью, так наутро башка разваливается! Аж на два полушария!

— Настаивайте на ампутации, — сказал Барышев.

Стекольщики дружно расхохотались.

И тут впервые за все время заговорил четвертый, молчун, напарник

миролюбивого. Слова у него выходили туго, и он для облегчения их выхода выпячивал тяжелые губы:

— А можете себе представить, мужики... Я вчера прочитал, что такое Вселенная... Я ужаснулся. От самой близкой звезды свет идет... триста лет с гаком! Жуткое дело...

Барышев, прислушиваясь к их беседе, улыбался — рассеяннo и усталo. Как всегда, физическая работа принесла ему покой и умиротворение; он пилил и пилил и нет-нет да оглаживал взглядом дощатую стезьку, что двойным пунктиром пересекала топь.

По мосткам уже ходили в обоих направлениях. Встречающиеся, чтобы разойтись, вынуждены были обняться. С улыбкой наблюдал Барышев за встречей Крупеника и Пунтакова. Крупеник сделал рот совсем уж куриной гузкой, комендант выругался. Но иного способа разминуться не было — обнялись. Проходя мимо Барышева, Крупеник спросил с обидой:

— Почему не было объявлено о воскреснике? Вечная история: никто никогда ничего не знает! Зато содержим на иждивении коменданта!

— Я добровольно, — усмехнулся Барышев. — По личной инициативе.

Пришел Гогеля, положил Барышеву руку на плечо:

— Молодец, Серожа! От всего дома тебе спасибо. И пойдём, пожалуйста, чай пить.

— И вообще это мартышкин труд, — заключил Крупеник. — В понедельник поедут машины и все разворотят. Вспомните тогда, что я говорил!

— Лучше бы ты ничего не говорил, дорогой, — сказал Гогеля. — Лучше бы ты молчал, как цветущее дерево. И выделял кислород.

Асимметричное лицо Крупеника расправилось от возмущения:

— И что это за жеэска такое... Ни одного приличного человека! Понасобирали, понимаешь...

— Так как, Серожа? — спросил Гогеля. — Пойдем? Чай индийский, бэлий слон называется! — И щелкнул ногтем по волосатой шее.

Барышев отказался и на сей раз.

— Я сам, Резо, не надо! — слабо запротестовал он, когда Гогеля взвалил на плечо готовые звенья и понес к мосткам. Но встать сил уже не было, не смог разогнуть спины.

Мостки получились ровные, устойчивые и соединили дом с асфальтовым пятачком, откуда можно было уже сухой ногой ступить на шоссе.

— Как у Аннушки! — одобрительно сказал Коля-крапчатый.

...Наутро каждое движение давалось ему с болью, — болели мышцы, саднило стертые в кровь ладони. Экое мальчишество, подумал он, нельзя было так перегружать себя! Он включил радио и со стоном проделал обычный утренний комплекс физических упражнений. Прохладный душ взбодрил его. Ничего, повеселел он, расхожусь! Ты еще молод, доктор Барышев, подумаешь, тридцать шесть! Ты еще у нас молодец,

Серожа... Он поставил на плиту джезву и, пока вскипала вода, смолот кофе на ручную мельнице. Он любил эти утренние минуты: голова свежа, впереди длинный интересный день, встречи с коллегами, по которым он успел соскучиться за неделю отсутствия. Он прикинул, что на письменный отчет ему потребуется самое большее часа два, впечатления от симпозиума сложились в емкие, краткие формулировки. Допивая крепкий, горячий кофе, он уже испытывал знакомый рабочий зуд.

Барышев перепечатывал отчет набело, когда в дверь постучали. Не забыть бы подать заявку, чтобы подключили звонок, давно пора, мимоходом подумал он, отпирая дверь.

На пороге стоял милиционер в лейтенантских погонах. Из-за плеча милиционера выглядывал злорадно ухмыляющийся Крупеник.

— Чем обязан? — спросил Барышев.

— Участковый инспектор Груздев, — представился милиционер, коснувшись козырька фуражки. — Разрешите войти?

— Пожалуйста...

Барышев посторонился, пропуская милиционера. Крупеник торопливо вытер ноги о коврик и юркнул следом. С лестницы донеслись тяжелые шаги и сопение Пунтакова.

— Обождите закрываться, — сказал комендант. — Я тоже... к вам.

Участковый, встав посреди комнаты, оценивающим взглядом окинул ее холостяцкую обстановку. Барышев похвалил себя за привычку убирать постель.

— Присаживайтесь! — сказал он.

Участковый и комендант сели в кресла у журнального столика, Крупеник примостился на край кушетки. Барышев сел к письменному столу, развернул к ним вращающееся сиденье.

— Тут вот какое дельце... — Участковый откашлялся, надел фуражку на острое колено и распахнул планшет. — Тут, значит, поступил сигнал... Нет, извиняюсь, — перебил он себя, — начнем с того, что... Дом ваш, как известно, заселен недавно. Сравнительно недавно. Четыреста двадцать девять семей: включая одиноких, бездетных и малодетных. Как инспектор вашего участка, провожу плановое знакомство. — Он подал Барышеву нечто вроде визитной карточки, только крупной форматом, с занесенными от руки фамилией, именем, отчеством, должностью и служебными телефонами. — Это мои данные.

Барышеву пришлось встать, чтобы взять карточку из его руки.

— Очень приятно... Владимир Иванович, — сдержанно поблагодарил он, пробежав глазами рукописный текст.

— И мне... Сергей Львович, — тоже сверившись со своими бумагами, сказал участковый. — Один проживаете?

— Как видите.

— А... извиняюсь, семья? Можете не отвечать, ваше право!

— Давайте ближе к делу. Мне нужно кое-что закончить и ехать в институт.

— Сергей, э-э, Львович, какую сумму составил первый взнос за вашу квартиру?

— Две двести! — подсказал Крупеник.

— Так... А какую сумму составляет ваша зарплата? Вы, кажется, научный сотрудник?

— Младший научный сотрудник. Сто семьдесят два рубля двадцать восемь копеек. А почему это вас интересует?

— На дому пациентов не принимаете?

— Да с какой стати?!

— Должен сказать, — народ в вашем доме разный...

— И многие живут на нетрудовые доходы! — подхватил Крупеник. — Буквально, если...

— Ты чего городишь? — оборвал его Пунтаков.

— А ничего! Кто в третьем подъезде двери обивал? Два кандидата филографических наук! Кто полы циклевал по два рубля за квадратный метр? Они самые, кандидаты филографии! Есть прецендент или его нету? Притом использовали государственную шлифмашину!

— Я что-то не понимаю, — сказал Барышев участковому. — Если вы пришли со мной познакомиться, зачем здесь эти товарищи?

— Товарищ Пунтаков — ваш комендант, сопровождает по долгу службы. — Участковый мельком взглянул на сердито засопевшего коменданта. — А товарищ Крупеник — мой актив, помогает в создании добровольной народной дружины. Сокращенно дэ-эн-дэ. Крупеник, э-э...

— О-дэ — мои инициалы!

Олигофрен Дебилович, расшифровал для себя Барышев.

— Хорошо, — теряя терпение, сказал он. — Будем считать, что мы познакомились. Что еще? Вы сказали: поступил сигнал. Я вас слушаю.

— Скажите.. Вчера вы занимались возведением деревянной пешеходной дорожки. Причем без какого-либо поручения, какой-либо просьбы правления ЖСК.

— Ну и что?

— Не спешите. Частным порядком, используя казенные пиломатериалы, вы производили работу на определенную сумму. На какую именно и кто вам ее собрал?

Барышев вскочил с кресла.

— Что за чушь! Вы это всерьез?!

— Я тут, знаете, не шуточки шутить поставлен.

— Владимир Иванович при исполнении!

— И если вы проявили индивидуальную инициативу, — продолжал участковый, — то должны были заключить трудовое соглашение с жэком или с правлением ЖСК и внести соответствующую госпошлину.

— О чем вы говорите? — произнося это, Барышев испытывал неодолимое желание подойти к милиционеру, приподнять веко и заглянуть в зрачок. — Вы хорошо себя чувствуете?

Участковый не ответил, а за него высказался Крупеник:

— А как бы мы себя ни чувствовали, по частным практикам не враждаемся! Слава богу, у нас бесплатное медицинское обеспечение.

Пунтаков опять подал голос:

— Слышь, Крупеник! Я все никак не спрошу: ты почему не на работе?

— Как пенсионер по старости нахожусь на заслуженном отдыхе. И вы не тыкайте!

— Я если тыкну,— багровея сказал Пунтаков,— от тебя мокрое место будет. Кто на той неделе подвал залил? Не твоя милость?!

— Владимир Иванович, я в такой обстановке сотрудничать не могу! Это превосходит границы!

— Спокойно! — сказал участковый. — После будете отношения выяснять! Где, кстати, Гогелия?

— Здесь я! — раздался в прихожей бодрый голос Гогелии. — Давно здесь, как сказано! — Гогелия вошел в комнату и напустился на Барышева: — Что ж ты, Серожа, а? Пригласил гостей, а мне ни слова! Спасибо, этот красивый Крупеник сказал! А где же стол? Где угощение дорогим гостям?

— Постой, Резо! — поморщился Барышев. — Происходит что-то странное! Меня, кажется, обвиняют в нетрудовых доходах!

— Никто вас пока не обвиняет, — сказал участковый. — Обвиняет прокурор. Мы же хотим внести ясность и только.

— Резо, ты слышал?!

— Успокойся, Серожа, пусть товарищи вносят ясность! У них служба такая! *«Слу-у-жба дни и ночи»!* — неожиданно, с подъемом пропел Гогелия. — Какая песня! Нет, ты скажи, какая песня!

— Вам не кажется, — обращаясь к участковому, сказал Барышев, — что вы превысили ваши полномочия?

— Мои полномочия зафиксированы в надлежащих инструкциях, — холодно ответил тот. — И вы этот тон оставьте, пожалуйста!

— Попрошу оставить мою квартиру, — тихо и внятно сказал Барышев. — И впредь без ордера прокурора не беспокоить.

— А товарищ-то гра-амотный! — заметил Крупеник. — Очевидно, уже имели конфликты с представителями закона, Сергей Львович?

— С представителями закона конфликтов не имел, — отчеканил Барышев. — С представителями беззакония...

— Серожа, ша! Слушай, дорогой-капитан-инспектор!..

— Я лейтенант.

— Товарищ-дорогой-лейтенант, зачем этот базар-вокзал? Давайте все вместе, дружно, пойдем ко мне, у меня сегодня отгул...

— Отгул за прогул, — ехидно вставил Крупеник.

— ...у меня сегодня выходной! — сверкнув глазом, повысил голос Гогелия. — Посидим, немножко отдохнем, моя Тамрико подаст такое сациви — пальчики оближешь на руках и ногах! Люди должны жить как

братья! Нет, вы посмотрите, что в мире делается! У-жас! Кругом война, радио включать страшно! Живем, понимаешь, в клещах империализма-милитаризма! Мы должны быть сплоченные, как этот камень! — Он постучал костяшками пальцев по стене. — Как этот железобетон!

— Вчера, — жестом остановил его участковый, — вы совместно с гражданином Барышевым прокладывали деревянный тротуар. Кто вас нанял? За сколько?

— Кто прокладывал? Я прокладывал?! Я ничего не прокладывал! Никаких тротуаров-мротуаров! Ни за какие деньги-меньги!

Крупеник даже взвизгнул от возмущения:

— Ну прямо в глаза брешут! Я ж сам, собственноручно видел, вы доски носили!

— Какие доски?! Ты что, дорогой? А, вспоминаю! Одну планочку носил. Отсюда сюда носил. Совсем маленькая, понимаешь, реечка!

— Какая реечка? — И потом вы еще предлагали гражданину Барышеву обмыть! Было такое? Было! Я еще не глухой!

— Зачем обмывать? Кругом грязь, все равно топтать будут!

— Вы дурачком не прикидывайтесь, умный какой! Вы его выпивать звали!

— Да! Звал! — взорвался Гогелия. — Я его ч а й выпивать звал! Бэлий слон! Индийский!

— И опять: где вы его берете, когда в магазинах такого чая в продаже нет? Владимир Иванович, к этому человеку надо особенно присмотреться! Работает в автосервисе! Небось, тоже рыльце в пушку!

— Слушай, товарищ-участковый-лейтенант-инспектор! Я за себя не ручаюсь. Запиши, пожалуйста, он первый начал!

— Граждане, поймите сознательность! Вы не на собрании вашего кооператива!

— Я вам так скажу, — Пунтаков вытянул руку шлагбаумом, отделяя Гогелию от Крупеника. — Мне все это не нравится! Доктор вчера проявил бескорыстную личную инициативу. Бескорыстную! Хотя это и не входит в его компетентность. — Пунтаков повернулся к Барышеву, наблюдавшему за происходившим с выражением потоскливого безразличия. — Спросите, почему не входит? Отвечаю: потому что дороги торить — обязанность строителей. В этом ваш основной просчет. Вылезли со своей инициативой, и строители моют руки. А именно с них причитается! И к тому же вы проложили дорожку поперек подъездных путей к магазину. Вы видели колышки?

— Ничего я не видел.

— А должны были видеть! Этими колышками обвешена мостовая дворового сообщения. Не надо отрицать.

— Ха! Бескорыстная инициатива! — воскликнул Крупеник. — А стеколышки говорили, по двадцати копеек с жильца!

— Интересно, сколько вы заплатили лично? — спросил Барышев.

— Я? Да ни копей! А за остальных не скажу! От остальных чего угодно ждать можно! Любой подтасовки фактов! Вспомните, как прошла жеребьевка!

Барышев в упор посмотрел на него, сказал как бы с сожалением:

— Будь вы постарше, Олег Дмитриевич, вам бы в тридцать седьмом цене не было...

— Давайте-ка без намеканий! Я сам являюсь сыном огульно репрессированного крестьянина-середняка!

— Ну все! — Участковый захлопнул планшет, надел фуражку и поднялся с кресла. — Прошу следовать за мной.

Все встали, кроме Барышева.

— Серожа! Я же иду? Иду! Зачем ты меня бросаешь? Я тебя прощаю, Серожа!

— Я так полагаю, — сказал участковый, — в ваших же интересах разобраться с этим, как вы считаете, недоразумением. Иначе придется вызывать вас в опорный пункт.

— Куда мы должны пойти? — помрачнел Барышев.

— К тому, кто подал сигнал.

— А разве... разве это не гражданин Крупеник?

— Давайте, давайте, валите все на Крупеника! А я, может, самый порядочный человек во всем жеэска!

— Чего выстроился? — Комендант подтолкнул Крупеника к выходу. — Порядочный он...

Участковый, спустившись первым, подождал, пока спустятся остальные, и уверенно направился к прорабской будке.

— Серожа, спокойно, — вполголоса предупредил Гогелия. — Не вознижай.

— Бред какой-то, — пробормотал Барышев.

В помещении прорабской за длинным, наспех сколоченным и покрытым листом эрголита, столом сидели трое: бригадир стекольщиков, Коля-крапчатый и молодой человек в штормовке, как выяснилось, прораб. К нему и обратился участковый с вопросом:

— Шамиль Ахмедович, повторите суть вашей претензии.

— Я вам, Владимир Иванович, уже сто раз повторял!

— Повторишь в сто первый! — сказал Пунтаков. — Язык не отсохнет.

— Стенные стекла мы получаем в дощатых контейнерах! Стоимость одного составляет пять рублей семьдесят две копейки!

— Но вы же их сжигали всегда? — опять вклинился Пунтаков.

— Не сжигали, а списывали! А вчера вечером получаю телефонограмму из управления: в целях экономии пиломатериалов все освобожденные контейнера передать столярке! Поехал по участкам (у меня же не только этот долбаный универсам!), везде в наличии, а здесь кучка опилок! Где, спрашиваю? Этот показывает товарники, — прораб ткнул пальцем в старшего, меланхолически перебирающего буквые колбыш-

ки, — а про контейнера ни слова, ни бэ, ни мэ! А этот, — прораб кивнул в сторону Коли-крапчатого, — талдычит про какие-то трапики! Доктор, видите ли, изрезал на трапики! В общем, вы власть, Владимир Иванович, вы и разбирайтесь! Я из своего кармана платить не намерен!

Гогелия сделал недоумевающее лицо:

— А почему? Если эти доски — твои, пожалуйста, охраняй! Сторож поставь! Я правильно говорю, товарищ-лейтенант-инспектор?

— Интересные вы какие! — нервно рассмеялся прораб. — По-вашему, если на стройке что-нибудь лежит без охраны, значит, каждый подходи и бери?!

Участковый снова раскрыл планшет, достал тетрадный листок, исписанный крупными, бешено разлетающимися буквами и прочитал вслух: *«Участковому инспектору Груздеву Владимиру Ивановичу от прораба Аванова Шамиля Ахмедовича заявление...»* Так. *«...неизвестным гражданином были уничтожены принадлежащие стройучастку деревянные контейнера... на сумму пятьдесят один рубль сорок восемь копеек»*. Вот. Ознакомьтесь. — Он протянул заявление Барышеву.

— Как раз по двенадцать копеек с квартиры получается! — изумленно подсчитал Гогелия. — Крупеник, ты актив, да? Вот и беги давай, собери со всех по двенадцать копеек!

— Долго думал? — Крупеник повертел пальцем у виска. — Совсем уж, прости господи...

— Куда и когда я должен внести эти деньги? — спросил Барышев.

— На расчетный счет СУ, — не поднимая головы буркнул прораб. — Чем скорей, тем лучше.

— Ну, эти детали вы без меня уточните, — как-то враз заскучав и заторопившись, сказал участковый. — Вот здесь, товарищ Барышев, внизу, напишите: *«ущерб обязуюсь возместить сполна, вину признаю»*. И подпись.

Барышев, стараясь не касаться рукой листка, написал все, что требовалось.

Пунтаков стукнул кулаком по столу:

— А вы, молодцы, чего помалкиваете? Ваш недогляд! Вы-то что думали?

— У нас начальство есть, чтоб думать, — мрачно сказал старшой. Коля-крапчатый тронул Барышева за рукав:

— Львович, тебе по дому ничего не надо? Ну там карнизы эти навесить, полки? Только скажи, мы мигом!

— Я вам покажу эти миги! — опять сорвался прораб. — Только и высматриваете, где б халтуру сбить!

— После работы, Ахмедыч, где хотим, там и мигаем! — возразил Коля-крапчатый, но так, чтобы не прозвучало, как вызов. — Вась, скажи свое слово!

— Спасибо, мне ничего не нужно, — упредил Барышев ответ старшого.

Жалко было не денег, которые придется одалживать, жалко было себя — того, еще вчерашнего, каким ему уже не бывать.

Пришла апатия, как после сильной дозы транквилизатора, и когда вечером, возвращаясь из института, Барышев стал свидетелем ссоры бригадира стекольщиков с водителем самосвала, переехавшим мостки в двух местах, в душе его ворохнулось лишь раздражение: и чего кричат, что хотят доказать друг другу?..

ЛИМИТЧИКИ

В палате оказалось всего двое: пожилой, в седом ежике, краснолицый мужик и паренек — на вид лет восемнадцати, а то и меньше, с усиками и длинными волосами. Некоторое время они молча наблюдали за Зуевым. Мужик пучил глаза, молодой щурился, грыз кулак.

Зуев прошел к свободной койке, сунул в тумбочку целлофановый пакет с утренними принадлежностями, лег поверх постели и заложил руки за голову.

— Ах да, здравствуйте, — сказал он.

— Здорово ночевал, — сипло отозвался мужик и продолжал превращенную его приходом ссору. — Поскольку ты отпетый фулюган и где только тебя подобрали... а я человек заслуженный, я во фронтах участвовал!

— Ну и молодец! Сейчас я тебе награду выдам!

Паренек встал с койки, подошел к столу. Оторвал от газетного грифа орден, послынил и с маху налепил на лоб мужика.

Минут пять стояла зловещая тишина. Затем мужик выдвинул из тумбочки ящик, извлек оттуда карандаш и бумагу и стал писать, диктуя себе по слогам и буквам:

— Иуристу Министерства Обороны С.С.С.Р. по делам. Заявление на гражданина Брагина Александра. Поскольку таковой есть отпетый фулюган и где только его подобрали, прошу принять санкцию.

— Кончайте, ребята, — сказал Зуев. — Ты, паренек, мог бы и поужагительнее. Человек тебе в отцы годится.

— Видал я таких отцов!

— С чего хоть вы завелись-то?

— У меня завод с пол-оборота, без капли бензина! — сказал молодой, садясь на постели. — Шутки не понимает, старый хрен!

— Шутка шутке рознь, — заметил Зуев.

— Да понимаешь, нашел я утром винтик, от какой-то больничной установки, — начал объяснять молодой, — хорошенький такой винтик, никелированный...

— Нашел? Положи к себе, если так пондравился! — заорал мужик.

— Тише, тише, ребята.

— Ну правильно, Яклич! Мы тут опухнем, если будем как колоды лежать!

— Врачи поумней тебя! Говорят лежать, значить, надо лежать!

— Ну слушай, друг. Беру я этот винтик и подсовываю Якличу в электробриту, в чехольчик. Тот бриться как раз собрался. Открывает чехольчик — винтик лежит. Отдельно! Девы-бабоньки, откеле ж ты выпамши?! — Молодой захохотал. — Я говорю, давай попросим старшую сестру, пускай снесет в мастерскую! Яклич к сестре. Та его посылает от себя на три буквы в сторону. Тут, говорит, больница, а не металлоремонт! Мы к лечащему врачу, к Ирине Леонидовне. Так, мол, и так, вот видите, винтик выпамши? Она говорит: а шарики у вас на месте? — Молодой снова расхохотался. — В седьмой палате хромой старичок лежит, часовщик. Я говорю, Яклич, сходи к нему, колбаски снеси, сальце-яйце, может, он отремонтирует. Пошел Яклич. Но с пустыми руками. Он у нас сильно скромный насчет поделиться с товарищем. Ну, короче, поковырялся старичок в бритве, ставит диагноз: покупай новую. Приходит Яклич сам не свой: как же, почитай, двадцать лет работала, а тут винтик «выпамши». Жалко! Я его утешаю, по-моему, говорю, у меня один раз такая авария тоже была. Дай-ка посмотри! Но с условием. Тащи из холодильника курицу. Ему вчера курицу принесли. Ничего, прожаренная была несушка. Яклич зубами поскрипел, принес. Оприходовали. Беру я этот винтик и в форточку. Теперь включай, говорю, свой трактор. Включает Яклич, бритва работает как часы. Ну, после чаю попили. Тут до Яклича доходит, что винтик никакого отношения к бритве не имел. Пристал ко мне: ты подложил? Я, дурак, сознался, думал, посеемся вместе! А он буром попер.

— Ладно, ладно, — сказал мужик. — Найдем на тебя управу, лобочес. Так и зарегистрирую. Вот этот новый товарищ мене поддержит. Тебе как зовут?

— Славка, — сказал Зуев.

— Вячеслав али Станислав?

— Ярослав.

— У тебе пневмония али бронхит?

— Пневмония.

— Односторонняя али двух?

— Внематочная, — сказал Зуев.

— Пять шаров! — захохотал молодой. — А я Сашка. Держи кардан! — И протянул пятерню.

— Горохов, — назвался мужик. — Павел Яковлевич.

— Уже усек, — сказал Зуев. — А во сколько тут ужин, ребята?

— В семнадцать тридцать, — ответил Горохов, — по графику расписания.

Помолчали.

— Ты женатый, Ярослав? — вдруг спросил Сашка.

— Обязательно. А ты?

— Я тоже!

— Сколько ж тебе лет?

— Двадцать один. Третий десяток.

— И детки есть? — уважительно спросил Зуев.

— Нет, нету. Людка не хочет.

— Захочет, — сказал Зуев.

— А живешь где? — чуть погода спросил Сашка.

— В Печатниках, на Шоссейной.

— Ха! А я в Перерве! Девятиэтажку за оврагом знаешь?

— Как не знаю. Ты лимитчик, что ли?

— Ну! А ты?

— Тоже.

— Во дела! — воскликнул Сашка. — Одна лимита собралась! Яклич ведь тоже лимитчик. В жёке дворничает!

— У мене в Москве свояченица живет, — сказал Горохов. — Да дочка Тимирязевскую академию наук кончила. Мене с собой не равняй, лобочес орловский.

— Ага, — согласился Сашка, — ты у нас коренной москвич. Рылом только не вышел.

— Я сельхозпроизводством руководил, — сказал Горохов, пропуская реплику Сашки и обращаясь к Зуеву. — Про тульский совхоз «Шульгино» слышал? Как, нет? По телевизеру показывали! Фермой командовал. Дом у меня тама крестовой. Баня с отопительной колонкой, мотоцикл колясочный, «Урал»... Ну и, конечное дело, хозяйство.

— И чего тебя в Москву понесло? — спросил Сашка. — Сидел бы себе на печке, клопов давил.

— Не твоего ума дело! Я, Ярослав, в своей жизни раза не ошибся. Как смолоду расчет вывел, так по нему и следую.

— Так все бросили и уехали? — спросил Зуев.

— Зачем? Квантерантов пустил. Хорошие люди, ничего не скажешь. Оне и за коровой ходят.

— Кулацкая ты морда, как я погляжу! — сказал Сашка. — Ярослав, давай ему ночью *велосипед* сделаем?

— Я тебе изделаю велосипед! — встревожился Горохов. — Счас дежурного врача позову!

Отворилась дверь, няня вкатила тележку с чайником и винегретом. Поставила на стол две тарелки, разлила чай.

— На тебя седни не полагается, — сказала она Зуеву. — Ты новенький.

— Что ж ему, голодным лежать? — возмущился Сашка.

— Останется чего, принесу, — посулила няня. — Кружка у тебя есть?

— Не догадался, — виновато сказал Зуев. — Лей так, в ладошки.

— До чего смиренный мужчина. — Няня вздохнула, достала из кармана небольшую фарфоровую кружку, налила вскрай.

— Романовна, а сахарку-то пожалела, — попенял Горохов.
— В твои лета сахар вредный, — отрезала няня. — Ишь, пузо наел.
— Это, Романовна, у него грудь, — пояснил Сашка, — только малость приспущенная.

— Оно и видать, — кивнула няня.

Сашка развернул сверток с колбасой и маслом, ловко напластал бутербродов.

— Садись, Слав! Не стесняйся!

За едой разговорились о работе. Сашка работал водителем в автобусном парке.

— Прямо с линии сняли! Высадил пассажиров на конечной, и вдруг будто кто кол в грудь забил. Пот ручьями. Постовой подсказывает: в чем дело, водитель, а ну дыхни! Я как раз дыхнуть-то и не могу. «Скорую» остановили, врача — градусник. Сорок один и пять десятых в тени! Ну, под белые ручки и сюда, Яклича смешить. Что характерно, до сих пор температуру согнать не могут! Просто пять шаров да и только.

— Исть надо боле, — рассудил Горохов. — Хотя через чур, а исть. Голодовать ни к чему.

— Были бы кости!

Зуев рассказал о себе. Работает в ДОКе, в Курьяново, в больницу попал своим ходом. Температура держалась тоже почти месяц, но рассчитывал перебить парилкой и народными средствами, да и начальство упрасивало не брать больничный: конец квартала, конец года. Дотянул до последнего, пока верстак не клюнул — весь нос в занозах. Хорошо, напарник рядом был. По одной вытащил. Поди, с час трудился.

Лечение не было обременительно ни для медперсонала, ни для больных. По утрам лечащий врач совершала обход, выслушивала пациентов и прописывала назначения. Они были для всех одни: четырехразовые инъекции пенициллина.

Лечащий врач Ирина Леонидовна была молодая женщина с непомерно развитыми бедрами, хотя в талии узка и в плечах самая обыкновенная. Если бы не эти бедра и не заикание, она отличалась бы от прочих врачей только южным произношением. Зуева она невзлюбила с первого взгляда. Едва он пожаловался на гастрит, как она с плохо скрываемым злорадством записала его на диетический стол. На том лечение гастрита кончилось.

Очевидно, сознание незаурядности телосложения, омраченное равнодушием тех, кого оно должно было поразить в самое сердце, вкупе с недостатком речи сделали из нее то, чем она стала. Если бы однако стереть с ее лица выражение озлобленности и рефлексии, да прибавить зарплату, да поселить в отдельной квартире, то на первый план выдвинулись бы совсем иные черты. Ирина Леонидовна приехала в Москву по лимиту Минздрава. Получив комнату в коммуналке, она вскоре убедилась, что шансов устроить личную жизнь на данной площади нет никаких, а на кооператив в ближайшие годы собрать не удастся. И то женст-

венное, неглупое и даже зазорное, что прежде составляло основу ее характера, сошло на нет.

Зуева, как вновь поступившего, она слушала чуть дольше, чем остальных, с брезгливой миной пальпировала живот.

— Где у тебя печень?

— Где у всех.

— Н...ет там!

— Не знаю, вчера была.

— Ирина Леонидовна, — обратился к ней Сашка. — Что за дела? Меряю пульс — на руке шестьдесят, а на ноге восемьдесят!

— П...ора выписывать!

— Ой, можно сегодня?

— Л...ежи! П...ульс у него! Чего мокрый-то весь?

— Конденсация!

— И г...олова вся м...окрая.

— Работает, вот и потеет!

— Остряк. Б...рагин. Фамилия какая-то запяницовская.

— Какую дали!

— Скажи т...ридцать т...ри.

— Тридцать три.

— Еще!

— Триста тридцать три!

— Я не прошу т...риста! Просто тридцать т...

— Тридцать три! Сорок четыре! Пятьдесят пять!

— Хватит! Р...азговорился.

— Лобочес, — поддакнул Горохов.

Этот при появлении врачихи весь расцветал, лоснился каждой складкой лица; глаза в постоянном подозрительном выкате утягивались под надбровные дуги, сокращались до диаметра шнуточных фисташек. Очень уж он хотел понравиться!.. Смысл его искательств был весь наружу — началась пора снегопадов, и Горохов рассчитывал отлежаться в тепле. Ирина Леонидовна на его заискивание реагировала строго, но, в общем, благоволила к нему больше, чем к остальным.

Зуеву лежать было муторно. Болели ягодицы, истыканные шприцами; болеть они начинали еще до укола, когда он вставал в очередь под дверь процедурной. Сестры кололи по-разному, некоторые почти неслышно, другие словно задавались целью дырявить как можно больней. Впрочем, и те, и другие дружно бранили его за мешкотность. Вины же Зуева не было, просто сестра-хозяйка выдала ему женскую рубашку, и пока он выпрастывал подол из штанов, а затем заталкивал обратно, сестры теряли темп и нервничали. Зуев сердился тоже:

— Вашими иглками только носки вязать!

Негладко было у него и на сердце. Часами разглядывая протекти на потолке, он тосковал по дому, по жене Алевтине и дочке. Ярославна, в отличие от родителей урожденная москвичка, ходила в садик. В часы

посещений из-за карантина Зуев общался с ней через стеклянную перегородку и не мог ни похлопать, ни приласкать. Алевтина появлялась накрашенная, под хмельком. Работала она на мясокомбинате, в колбасном цехе и приносила в дом вдвое больше, чем Зуев, но этих-то дурных денег он и боялся. В минуты близости уговаривал ее переменить работу, пойти на стройку или в тот же ДОК. Алевтина только смеялась. Пока пять лет не выйдут, никуда не стронется, не имеет прав, сама кабалу подписывала, а и пять лет выйдут, тоже надо еще подумать.

Теперь, когда Зуев находился в больнице и Алевтина осталась без его контроля, в голову лезли самые мрачные думы. Так и виделось, что Алевтиной заинтересовались органы, что какие-нибудь краснорожие мясники мнут ее в колбасных подвалах, известно, пьяная баба себе не хозяйка; или того горше, дочка сидит голодная и неухоженная, а мать гуляет. С каждой встречей он все настойчивее упрасивал Алевтину развязаться с сотоварищами, не встречать в их махинации и, кажется, упрасил.

Чтобы скоротать время, Зуев крутил сестрам фунтики под таблетки, как-то раз починил каталку, врезал в процедурной новый замок.

За этой работой его застал заведующий отделением, временно исполнявший обязанности главврача.

— Как фамилия? Зуев? А, из ДОКа? А ну пройдемте!

Зуев поплелся за ним на первый этаж, теряясь в тревожных догадках.

Кабинет главврача был сплошь заставлен пиломатериалами.

— Вот какое дело, Зуев,— сказал заведующий.— Облицевать стены сможете?

— Чем?

— Вот этими самыми панелями.

— Смогу, поди...

— Н-вот и займитесь! — У заведующего была манера больно тыкать указательным пальцем собеседника, когда произносил свое «н-вот». — Кстати, как ваше самочувствие?

— Температуры нет,— ответил Зуев.

— Это очень хорошо!

— Я извиняюсь,— насмелился Зуев,— как вас по имени-отчеству?

— Вектор Петрович. Не Виктор, а Вектор.

— Вектор Петрович, тут работы недели на две, а мне осталось лежать девять дней.

— Будешь лежать, сколько понадобится. Температуры у тебя, положим, нет, но возможны осложнения. Так что лечись, Зуев. Прочное здоровье — главное в любой биосистеме, в том числе в человеке, н-вот!

— Помощники потребуются,— сказал Зуев.

— Нет проблем. Бери всю палату.

— Да нас всего-то трое.

— Сегодня будет пятеро, — улыбнулся заведующий. — Инструментом обеспечить не могу, соображай сам, а рабсилой — с избытком! — Он отцепил от связки ключ и протянул Зуеву. — Не забывай запирать.

— Так завтра можно приступить?

— Можно и сегодня, н-вот!

Четвертый появился перед обедом. Это был высокий костлявый человек с ресторанными бакенбардами и подусниками, на вид лет шестидесяти. На вопрос, как звать-величать, ответил просто:

— Как всех дураков.

— Эдиком? — уточнил Сашка.

— Почему? Иваном. Никифоровичем по батюшке.

— Не деревенский, чай? — поинтересовался Горохов.

— Да, селянин.

— Плотник? — спросил Зуев.

— Увольте, нет.

— Чем же вы занимаетесь? — спросил Горохов.

— Чем все.

— Чтой-то непонятно, — сказал Горохов.

— По-английски понимаете? Мани-мани делаю.

Сашка внес ясность:

— Это в смысле тити-мити?

— Тити-мити это по-русски. По-английски мани-мани.

— И где же это такое блаженство? — не отставал Горохов.

— На кладбище.

— Иди ты?

— Надгробья на могилки работаю. Силуэты, бюсты, барельефы.

— И хорошие мани?

— Когда как. В зависимости от родственников упокойника.

Горохов обнял Ивана Никифоровича за плечи:

— Ваня, друг! А можешь такой камень выточить теще моей, покойной головушке, чтобы ни у кого во всем Шульгине?

— Я плохо представляю, что у вас в Шульгине. Это где?

— Да под Тулой. У нас там один бетон!

— Вероятно, да.

— Ваня! Дай пять!

— Простите, с кем имею честь?

— Пал Яклич! Для тебе — просто Паша!

Иван Никифорович подумал, затем спросил:

— Вам какой камушек желательно?

— Хорошо бы из мрамора!

— Мрамора насчитывается двести сорок марок.

— Да ну-у!

— Самые ходовые — коелга белая и шелья серо-черная. Мне лично шелья нравится, полируется легче. При ударе звенит, как медь. Но можно гранитный. Долговечнее.

— Ваня, как скажешь!

— Граниты бывают пальчики оближешь. Возьмем лабрадорит. Черный, с синевой. Габро — чисто черный, как сажа. Шведский, тот черный, как жук, золотом отливают. Теперь янцевский. Этот серый, однотонный, но встречается с прожилками. Жежелевский — серый, чернопятнистый. Да вот еще, капустянский! Отличный гранит.

— Красиво? — заискивающе спросил Горохов.

— Превосходно красивый. По всему полю, а оно красное, серые лопухи, будто снег напал.

Сашка заскучал от их разговора и стал рассказывать Зуеву о службе в армии.

— В Казахстане служил. Само собой, за рулем. Однажды сайгаков гоняли. Мы на «урагане», они на копытах. Вожак у них — морда серьезная, во-от такая борода!

— И в зубах трубка, — ввернул Иван Никифорович.

Все засмеялись.

— Я все думаю, — сказал Сашка. — Где я тебя видел? Теперь вспомнил. Этот сайгак и ты — просто одно лицо, пять шаров!

— Вы не есть воспитанный человек, — обиделся Иван Никифорович. — К тому же у меня нет трубки.

— Ну так что, поели мяска-то? — спросил Горохов.

— Где там, разве догонишь? Р-раз на девяносто градусов в прыжке! И полный вперед. Пока разворачиваемся, их уже еле видно.

— Ладно, — сказал Горохов. — Приступаем к умственному развитию.

И достал карты.

В эту минуту вошел Вектор Петрович. За ним в сопровождении медсестры какой-то замухрышка в драной пижаме — рыжий, потный, пылающий температурой.

— Ваш новый товарищ, — сказал Вектор Петрович.

— Полный комплект! — сказал Сашка.

— Сидите, — сказал затем Вектор Петрович. — У меня к вам поручение. Необходимо кое-что сделать для больницы. Зуев вам объяснит. Вы тут все люди сознательные, так что я на вас надеюсь, н-вот. А игра в карты, между прочим, нарушение режима.

— Да мы в дурачка! — струхнул Горохов.

— Никаких дурачков, — сказал Вектор Петрович. — Вот вам товарищ Ягодка, у него большой опыт, он вами поруководит. Как, Зуев?

— Как скажете, — сказал Зуев.

— Ну, поправляйтесь. Н-вот! — и Вектор Петрович больно ткнул Зуева в бок.

Когда он вышел, Горохов спросил уныло:

— А чо там делать-то, Ярослав?

— Стены в кабинете обшить. Панелями.

— Пойти посмотреть, что ль... — сказал Горохов.

В полном составе спустились в кабинет главврача. Вдруг Ягодка отеснил всех и бросился к телефону.

— Друг,— спросил Сашка,— ты что, не в себе?

Ягодка снял трубку, набрал номер и тотчас заговорил, не дожидаясь отклика абонента.

Судя по разговору, он оказался каким-то начальником. Видимо, жар выбил его из кресла только что, и он еще не совсем понял, где он и что с ним, и тянулся к привычному — к телефонной трубке у рта. Говорил он негромко, но властно, сгибал и разгибал руку в локте, покачивал начальственно головой, хотя абонент не мог его видеть и, следовательно, не мог оценить совершенство его начальственной жестикуляции.

— Строгий какой,— отметил Иван Никифорович.

— Не из тучи гром,— поддакнул Горохов.

Ягодка скосил глаза, зажал микрофон ладонью и укоризненно произнес:

— Тише, товарищи. Оперативка же!

— Мна,— печально сказал Горохов.— Допрыгалси наш буланчик.

— Отведите его, завтра приступим,— сказал Зуев.

Все ушли, он остался. Еще раз осмотрел, обтрогал панели, потом позвонил жене и перечислил, что надо из инструментов.

Они не виделись уже три дня, и Зуев с тревогой ждал, в каком виде явится на сей раз его благоверная.

Алевтина пришла чем-то подавленная, но бодрилась, даже шутила. Разговаривали через щель, нос к носу: вином от нее не пахло. Именно это Зуева и насторожило.

— У тебя всё в порядке? — спросил он.

— Все в порядке, Славик, всё-всё,— ответила Алевтина.

— Купи дочке конфет полакомиться.

— Куплю, Славик.

— Скажешь, папка прислал.

— Скажу. Тебе самому-то что принести?

— Ничего не надо. Еще то не съедено.

— Я тебе колбасок куриных принесу.

— Не вздумай! — запротестовал Зуев.

— У нас сейчас партия большая идет, принесу.

— Алевтина, я тебе запрещаю!

— Да ладно, впервой, что ли,— усмехнулась она.— Ты только поправляйся скорей. Скучно нам без тебя. Ленка каждое утро спрашивает, когда папка придет.

— Я, Алька, постараюсь. Вот кабинет оформлю и выпишут.

Попрощались. Алевтина подошла к зеркалу в холле, поправила шапку. Она не знала, что Зуев наблюдает за ней из-за перегородки. А у него сжалось сердце, когда увидел, какое у нее тоскливое, состарившееся лицо.

— Алька! — крикнул он.

Алевтина вздрогнула, обернулась, торопливо разглаживая лицо улыбой, опять подошла к щели.

— Что, Славик?

— У тебя в самом деле все в порядке? — спросил он.

— Всё-всё, Славик! Поправляйся и ни о чем не думай.

Они прожили восемь лет, и, если бы Зуев представилась возможность начать все заново, он опять женился бы на Алевтине. В Москву, наверное, не поехал бы, а жениться женился. В Архангельске был у них свой дом, зуевское наследство, они его продали и отправились искать счастья в чужих краях. Впрочем, идея искать счастья в чужих краях принадлежала Алевтине, Зуев же бежал от несчастья. Был он мужик невидный, слабохарактерный, а жену выбрал не по себе, бабочку красивую, отчаянную да и по летам не пару, — ему в то время пошел уже тридцать первый, а ей едва минуло восемнадцать. Может быть, будь Алевтина постарше, она бы за него и не вышла. Еще там, в Архангельске, стала она погуливать, последние месяцы перед отъездом жила врозь. Это уж после Зуев не выдержал, разыскал и уговорил вернуться. Теперь ему стало ясно, что пересуды соседей и знакомых, стыд и ослава, от чего он бежал, куда меньшее зло, чем то, что подстерегало их здесь, в большом городе, где было больше соблазнов, больше свободы и, стало быть, вседозволенности.

Утром, после обхода, Зуев позвал сопалатников на работу. Сашка собрался тотчас же, Ягодку решили по состоянию здоровья не брать — всю ночь пел украинские песни и проводил оперативные совещания.

Неожиданно заартачился Горохов:

— Идита, мужики, идита. Работа дураков любит.

— Значит, Яклич, подрастрястись не желаешь? — уточнил Сашка.

— Не желаю, Сашечка.

— О обнаглел, — сказал Сашка. — Не забывай, Яклич, кто ты есть.

— А кто я по-твоему, интересуюсь!

— Лимита паршивая, вот кто. В бутылку полезешь, Вектор тебе нарушение режима в бюллетень впишет.

— Чо он мне впишет?

— В карты играл? Играл. Вот и впишет: азартные игры.

— Вы извините, Пал Яклич, — сказал Зуев. — Но идти надо. Мы вас ничего тяжелого делать не заставим. Поддержать там что-нибудь, подать.

Горохов засопел, стал надевать куртку.

— Эй, камнерез! — сердито окликнул он Ивана Никифоровича. — Тебе отдельное приглашение?

— Я, видите ли, не лимитчик, — ответил Иван Никофорович. — Я москвич.

— Это как же так? А говорил, с деревни!

— Правильно, из Выхино я. А Выхино, как черту города до окружающей подвинули, стало Москвой. Волгоградский район столицы.

— Ну, как хочешь, — помрачнел Сашка. — Ешь опилки, я директор лесопилки.

— Это в понятии чего? — насторожился Иван Никифорович.

— Того, что нам с Вектором не с руки ссориться, а тебе — с нами. Сегодня ночью сделаем тебе «велосипед». Жить будешь, но нервную систему расшатает на пять шаров.

— Кончай, Саша, — поморщился Зуев. — Человек в самом деле чего-нибудь подумает. Он шутит, Иван Никифорович. Но вообще-то заведующий вас тоже имел в виду.

— Нравишься ты мне, Ярослав, — уважительно сказал Горохов. — Как-то все у тебя овално выходит.

— Ну что, идем?

— Пошли, — вздохнул Иван Никифорович. — Подчиняюсь большинству голосов.

— А ты как думал? — Горохов снисходительно посмотрел на него. — У нас коллектив что надо!

— Ты, Яклич, не дави на него, — сказал Сашка. — А то не видать твоей теще памятника.

— Да, это очень сомнительно, — подтвердил Иван Никифорович. — В свете вашего поведения.

— Ладно, разберемся, — пробурчал Горохов.

Работы оказалось куда больше, чем Зуев предполагал. Взялись за дело с наскоком, разметили стены под пробки, но бетон оказался неприступен. Сверла с победитовой напайкой крошились, как стеклянные. И не то чтобы выгрызали, а буквально выжевывали миллиметр-другой. Сашка психанул, бросил дрель и слез со стремянки.

— В гробу я видел такую работу!

— Давай шлямбуром, — предложил Зуев.

— Пускай каменщики долбят, они привычные!

— Если ты обо мне, — обиделся Иван Никифорович, — то ошибаешься. Я не каменщик и не бетонщик. Я камнерез. Без пяти минут скульптор. Разницу улавливаешь?

— А я шофер, а не плотник! Тоже две большие разницы!

Горохов, сылаясь на *задышку*, отсиживался на диване, делился сообщениями о своем хозяйстве, оставленном на попечение квартирантов. По мысли Горохова корову следовало продать, так как квартирантам не справиться с заготовкой сена.

— Что ж ты сразу ее не продал?

— А вишь, какое дело, Зуев. У этих квантерантов ребятишки малые. Им молоко полагается по рациону питания. В магазине не купишь, все в Москву едут.

— Заботливый какой, — сказал Сашка. — Лучше взял бы да подолбил для разнообразия! Сидишь тут мертвым капиталом.

— Я не сижу, я думаю.
— Ну тогда думай про себя.
— Я про себя и думаю. Про свою корову. И между прочим, про вас.

— И что же вы придумали? — поинтересовался Иван Никифорович.

— Тута машину надо!

— А вы правы, Яклич, — сказал Зуев. — Нужен *пистолет*. И пристрелять продольные рейки дюбелями. А? Что скажете?

— Золотая у тебя головушка, Ярослав, — сказал Горохов. — Поговори с Вектором, пушай запросит со стройки. Мы ему не мамонты.

Вектор Петрович заглядывал к ним довольно часто.

Больше года тому назад больница заключила договор со стройконторой на облицовку пресловутого кабинета. Дело застопорилось по непонятным причинам: материал строители завезли, а рабочих не выделили. Вектор Петрович, обретя временную власть, решил произвести работы своими силами. Договор же по истечении срока расторгнуть. Это давало ощутимую экономию на текущем ремонте и тем самым приподнимало бюджет больницы. Кроме того, это давало также возможность подчеркнуть административную слабость главврача и административную хватку Вектора Петровича, исполняющего его обязанности. Поэтому, начав работы силами своих больных, Вектор Петрович перестал помогать начальника стройконторы к вящей радости последнего, обходил щекотливую тему во время встреч в исполкоме и был вообще чрезвычайно собой доволен.

Вот почему предложение Зуева о *пистолете* было им отвергнуто категорически.

Кляня все на свете, сопалатники гвоздили стены три дня, с грехом пополам пришили несколько продольных реек.

А вскоре пришел в себя Ягодка. Когда сбили температуру, он успокоился, не заговаривался больше, лежал в сухом белье, в сухой свежей постели — тихий и благостный. Выяснилось, работал он в той самой стройконторе, которая заключила договор с больницей, инженером по технике безопасности. Когда его спросили, как вышло, что материал завезли, а рабсилу не выделили, Ягодка ответил с улыбкой выздоравливающего:

— Почему не выделили? Я же тут!

Позже уже объяснил:

— Дэ ее взять, рабсилу-то? На основных объектах людей не комплект. Местные не изъявляют желания. Только на нас, лимитчиках, все и держится!

— И ты лимитчик?! — воскликнули сопалатники.

— Чем я хуже других? — отвечал Ягодка. — С Полтавы я буду, хлопцы.

— Ладно, лежи, Полтава, — сказал Сашка. — Койки сторожи!

— Меня Николай Семеновичем зовут,— сказал Ягодка.

Зуев спросил:

— *Пистолет* сможете достать, Николай Семенович?

— Это сложно...

— А ежели подумать? — надавил Горохов.

— Я подумаю,— сказал Ягодка.

— Держи кардан! — сказал Сашка, сразу повеселев.

Пистолет привезли в субботу, когда Вектора в больнице не было.

Пристреляли рейки за какие-нибудь два часа. А дальше работа пошла уже не работа, а развлечение: знай, гони шпалеры, стыкуй на хлорвиниловые прокладки.

Фанерованные под ясень панели в ширину были стандартные, в высоту же рознились; приходилось подпиливать. Зуев не успевал заправлять ножовки.

Сашка захандрил опять.

— Это что ж такое получается, японский бог? По всем срокам меня должны уже выписать, а я тут ошиваюсь!

— Чем тебе не глянется? — удивился Горохов.

— А тем,— вскипел Сашка,— что я по больничному полста процентов теряю, стажа не хватает до ста процентов!

— Это сколько ж ты маней выгоняешь? — спросил Иван Никифорович.

— В районе трехсот!

— Раньше надо было про стаж думать-то! — обозлился на него Горохов — скорее всего за высокие заработки.

— Когда бы я о нем думал? После курсов в армию взяли, вместе со службой пяти лет не набирается!

— Я, Саша, здесь тоже прогрессив теряю, но ведь терплю? — сказал Зуев.

— Продолжай в том же духе! — Сашка отряхнул штаны и подошел к столу. Сел в кресло, снял трубку и стал звонить в общежитие. — Але! Тетя Дуся? Привет, это я, Брагин! Ага, выписывают! Передай Людке, как с работы явится, пусть мне одежду тащит! Какую, какую! В какой по улице ходят! Ну! Да пусть пузырь прихватит! Скажи, на провода, мол. Сама-то не догадается! Ну, будь! Будь, говорю, здорова!

Положив трубку под испытующими взглядами товарищей, прошелся по кабинету, тоном Вектора Петровича произнес:

— Думаю, с оставшимися недоделками вы справитесь без меня. Н-вот! — И уколол пальцем Ивана Никифоровича.

— А ты? — спросил Зуев.

— А я к Ирине Леонидовне. На выписку.

Злиться и сердиться Зуев не умел, и когда злился и сердился все-раз, это выглядело смешно.

Сашка рассмеялся ему в лицо.

Вернулся он минут через десять.

— Как она скоро тебе выписала! — съехидничал Горохов.
— Где справедливость?! — прорвало Сашку. — Без личного разрешения Вектора Петровича она, видите ли, не может! Дура толстомаяся!
— Да, бульонки у ней что надо, — согласился Иван Никифорович.
— Уйду! Вот принесут одежду и смоюсь!
— Не советую, Брагин, — сказал Ягодка. — Дурака свалешь.
— Я им не карла! Вылечили и хапы!
— Самовольно уйдешь, впают нарушение режима! — заметил Горохов. — Сам же мене стращал.

— Пускай! Плевать мне на их больничный! В парке водителей не хватает, а они что делают?!

— У тебе уже постоянная прописка? — спросил Горохов. — Нету? Дак сиди тут и не гавкай.

— Серьезно, Саша, — сказал Зуев. — Зачем тебе эти приключения? Билютеня не оплатят, стал быть, запишут прогул. Тринадцатая накрылась. Прописку и ордер от тебя отодвинут. Ты ж не пацан уже. Придет Вектор Петрович, подпишет и пойдешь, как положено.

— Сегодня пятница, так? — заорал Сашка. — Еще три дня тут груши околачивать?!

— Дольше ведь лежал, — сказал Ягодка.

— К тому же ты, небось, комсомолец, должен служить примером, — вставил Иван Никифорович.

— До чего ты вредный мужик, скульптор! — сказал Сашка. — Так бы и врезал!

— Ладно, хлопцы, — сказал Ягодка. — Пошли до палаты. На сегодня хватит.

Жена Сашки, Людмила, появилась неожиданно; в первые мгновения никто из сопалатников не понял, что произошло. Какая-то густо накрашенная девица в распахнутом пальто, с распущенными волосами, с полотняным чемоданом в руке ворвалась в палату, быстро захлопнула за собой дверь и прижалась к стене.

— Людка?! Прорвалась?! — воскликнул Сашка.

— Чш! — предупредила девица.

Мимо протопали каблук погони.

— Я тебя внизу подожду, Саш!

— Не жди! — торопливо проговорил Сашка. — Только в понедельник выпишут! Беги!

— Вот же ты баламут! Позвони в общагу! — бросила она сердито и, выглянув в коридор, пулей понеслась на выход.

— Задержи их! — подсказал Зуев Сашке и сунул чемодан под свою кровать.

Сашка выпрыгнул в коридор. И как раз вовремя — погоня в составе дежурной сестры, няньки и гардеробщицы возвращалась назад.

— Девы-бабоньки! — заблажил Сашка, становясь у них на дороге и раскинув руки. — Куда вы, миленькие?

— Пусти, паразит! — прикрикнула на него нянька. — Диверсантку ловим!

— Игде она? Куды побегла? — подсуетился Горохов.

— Да не путайтесь вы под ногами! — рассерчала сестра. — О деловые!

— Сестричка! — вцепился в нее Иван Никифорович. — Анальгинчику не дадите? У товарища Ягодки голова разламывается. Лично я предполагаю давление.

— Да-да! — подтвердил Ягодка из палаты.

Гардеробщица обратилась к больным, высыпавшим из других палат:

— Девку с чемоданом не видали?

— Пробежала какая-то на лестницу, — ответили ей. — Но без ничего.

— Ну вот, — посочувствовал Сашка. — Ищи теперь ветра в поле!

— А не к тебе ли она прибегала, молодой? — подозрительно спросила нянька.

— Ты тоже скажешь, Романовна, — обиделся Сашка.

— Загадочная история, — сказал Иван Никифорович. — Вы не огорчайтесь, девушки. В следующий раз мы ее сцапем. Она рыжая такая? В берете?

— Сам ты рыжий в берете, — пробурчала сестра. — Пошли уж!

— Куда!

— Анальгин просил для вашего задохлика? Или не просил?

— Точно так, просил. Идемте!

Когда все утихло, палата собралась у стола. Людмила принесла в чемодане не только одежду, но и бутылку спирта.

Иван Никифорович нетерпеливо расчесывал подусники; на словах же выразил сожаление:

— Думал, в больнице от этой заразы отдохну. Ан нет...

Горохов, изучая содержимое чемодана, вел с Сашкой разговор:

— Вот тебе только двадцать один, а уже имеешь зарубежный костюм. А я первый костюм пошил, когда мне тридцать исполнилось. Мна, хороший был костюм, кувыркотовый. Мы как жили? В чем с фронту прибыл, в том и сельское хозяйство подымай.

— Да-а, Яклич, вашему поколению перепало — пять шаров!

У Горохова от его неожиданно дружелюбного тона повлажнели глаза.

— Погодь, мужики, — сказал он, — я счас в холодильник сбегая!

— Мой пакет заодно прихвати, — попросил Зув.

— И мой, если нетрудно, — присоединился к просьбе Иван Никифорович. — У меня там мед.

— Мой обязательно, — сказал Ягодка. — В моем сало.

— Сделаем! — взбодрился Горохов.

Спирт развели минеральной водой, сдобрили медом.

— Красота! — сказал Горохов, обнюхивая напиток. — И полезно, и запаху не будет.

— Я один раз с тифом лежал, с брюшным, — разговорился Иван Никифорович. — Под День Победы соседу по койке так же вот принес-ли. Отметили праздник, хорошо. Потом друг на друга глянули, а оба красные, как маков цвет!

— Хороши цветики, — хмыкнул Горохов.

— На нашу беду заходит дежурный врач, — кивнув, продолжал Иван Никифорович. — Что, дескать, с вами?! Тужились. Отчего тужились? Непрохождение стула. В тот же миг нас на каталки и в процедур-ную, промывать. Так все и вымыли до последней капли.

— Могли бы дуба дать.

— Могли бы! — охотно согласился Иван Никифорович. — Ну, по-ехали, что ль?

— Как хохлы говорят, щоб дома не журылысь, — сказал Ягодка.

— Антиреспираторная все ж таки у нас канпания... — растроганно прогово-рил Горохов.

— Жить можно, — согласились с ним.

Горохов выпил еще и вдруг заплакал:

— Шульгино ты мое родимое! Нашто я тут без тебе? Кто мне знает, кто уважает!

— Слышь, Яклич, брось, — сказал Сашка. — Выпишешься, съезди на выходные. Три часа дороги всего-то!

— Ты посуди, Александро, кто я есть? Эмигрант я безродный, вот кто... — Горохов высморкался, страдальчески искривился. — И ты такая же сирота-лимита! Все мы тут эмигранты. Покуда постоянной пропи-ски не имеем, мы ноль без палочки, полноля. В кредит вещь не купишь, напрокат не возьмешь, место работы не поменяешь. И в народные орга-ны не баллотируют! Негры мы с Африки, вот кто мы! А работу правь как большой!..

— У меня напарник татарин из-под Казани, — рассмеялся Зу-ев. — Он так говорит: если меня не пропишут, я эту Москву опять сожгу! Потомок Чингисхана.

— До чего же у нас напиток получился увлекательный, — сказал Иван Никифорович. — Плесни-ка, Саша. Спасибо, милый. За наше вы-здоровление, дорогие мои.

— Тебе что! Тебе все путя открыты, — попрекнул его Горо-хов. — Хошь пей, хошь закусывай... — Он подпер небритую щеку ладо-нью и запел:

Молодая с чувствием оскала,
Я с тобой не весел и не груб,
Отвечай мне, кого ласкала?
Сколько было рук и сколько губ?..

— Не так громко,— предупредил Зуев.
Горохов выпучил глаза, топнул под столом ногой и нарочно прибавил громкости:

У моей у бестолковой
На губе висит целковый!
Во какая лешая,
Куды деньги вешая!

Иван Никифорович, ни на кого не глядя, вылез из-за стола.

— Что с тобой, Никифорович? — спросил Сашка. — Нехорошо?

— Оставь его,— сказал Зуев, прибирая посуду.

Иван Никифорович обернулся — растительность на его лице была мокрой от слез.

— Вот вы сказали, мне все дороги открыты,— проговорил он. — А они у меня все закрыты... На учете в отделении состою. А отчего, отчего, полюбопытствуйте? В связи с распадом семьи. Детки выросли, стал я не нужен. Изгнали. Живу, где придется. Поначалу карабкался. Думал, наработаю маней-маней, куплю кооператив. Ан нет... Что ни наработаю, все мимо, мимо. Приду к бывшей супруге, в террариум этот... — Он замычал, замотал головой. — Выложу на стол банкноты — миленький, хорошенький, а через неделю... В шею миленького, в шею хорошенького!..

— Вот оно как делается-то... — потрясенно вымолвил Горохов. — А ежи, Вань, взять дын, да дыном?

— Это будет началом конца,— горько сказал Иван Никифорович. — А ведь я в Строгановском учился! Надежды подавал... Уйти бы в родную деревню, в покой, на пленэр!.. А где она, моя деревня? Вон она, метро конечная, освободите вагоны, поезд дальше не пойдет! Нету у меня родины, отняли...

Слушатели, проникнувшись состраданием, заговорили в осуждение современных женщин.

Сашка рассказал свое:

— Я Людке один раз устроил. Замочила она мою робу в корыте. День киснет, два киснет. Неделя прошла, ей все некогда. Тухлятиной от корыта несет на весь этаж.

— Взял бы да сам простирнул,— сказал Горохов.

— Да... Взял я две пачки дрожжей, бухнул в корыто. К утру эта квашня подошла. Да как поперла! Прет и прет. Сам испугался. Затопило все к черту! Скандал вплоть до участкового. Штрафанул на чирик.

— Это сколько? — нахмурил брови Горохов.

— Червонец.

— Я бы тебе на сотельную оштрафовал!

— Ты бы! Лежи себе!

— А ты?

Сашка взял ключ у Зуева и отправился звонить Людмиле.

Александр и Людмила Брагины родом были с Орловщины. В Москву они приехали вместе с другом Степой, тихим, услужливым малым. Брагины получили комнату в общежитии, Степа поселился с одиночками, в комнате на четверых, — естественно, что он дневал и ночевал у Брагиных. Сашку в последнее время общество его стало тяготить. Он слегка догадывался о чувствах Степы к Людмиле, но повода ревновать не было. Сейчас, позвонив в общежитие, этот повод он получил. Дежурная, ходившая звать Людмилу, сообщила не без усмешки, что дверь ей не открыли и даже погасили свет. Дальнейшее дорисовало Сашкино воображение. Ждать до понедельника и мучиться подозрениями оказалось выше его сил. Вернувшись в палату, он объявил:

— Прощайте, товарищи, все по местам.

— Ты что это удумал? — спросил Горохов.

— Ухожу.

— Не сходи с ума, — сказал Зуев. — Мы же договорились, Саша?

— Надо мне.

Иван Никифорович схватил его за руку:

— Саша, не делайте глупостей! Вы сейчас в таком состоянии, что...

Товарищ Ягодка, вы у нас старший, нельзя его отпускать в таком состоянии, ни в коем случае!

— Брагин, никуда не пойдешь! — В голосе Ягодки послышались начальственные ноты.

— Отстаньте! Как сказал, так и будет!

— Успокойся, Саша. — Зуев насильно усадил Сашку на кровать, сел рядом, обнимая за плечо. — Что-нибудь с женой?

Сашка нехотя кивнул.

— Она здорова?

— Сам же видел!

— Она... дома?

— Вроде бы...

— Что ж ты переживаешь, чужак?

— Ну надо мне туда, надо! — Сашка вырвался из его рук. — Что вы со мной, как с маленьким!

— А ты и есть маленький, — сказал Горохов. — Слушай, что старшие говорят. И не выбуривай глаза, худого не посоветуем.

— Идите вы! — Сашка потянул из-под матраца брюки, разложенные по стрелкам.

— Я тебя не выпущу, — твердо сказал Зуев. — Сам завтра будешь благодарить.

— Ха! Он меня не выпустит! А ну!

В эту минуту няня вкатила ужин.

— Что за драка, шуму нет? — спросила она.

— Да вот какое дело, Романовна, — начал Зуев.

— Молчи! — быстро сказал Сашка.

— Нет, Саша, молчать не буду.

— Ну-ну, какое дело? — насторожилась старуха.

Зуев взглянул на Ягодку, на Горохова, на Ивана Никифоровича, — они отвернулись. Саша молча моргал. «Эх, молодой, молодой», — ласково подумал Зуев и сказал:

— Домой наш Саша собрался, вот какое дело.

— Как это домой? Тебя что, выписали?

Сашка не ответил.

— Ты угорел, малый? — сказала няня. — Без выписки не моги и думать. Ты ж нас с дежурной сестрой под статью подведешь! Не дури, не дури.

Она выставила тарелки на стол, уже убранный после недавнего пиршества, подозрительно пошмыгала носом и вышла.

— Эх ты! — с сердцем сказал Сашка. — Я думал, ты человек, а ты... Яклич, скажи ему!

Горохов молчал с отсутствующим видом.

— Я ж в твоих интересах, Саша, — неловко улыбаясь, сказал Зуев.

— Это не по-товарищески, — сказал Иван Никифорович.

— Зря вы няньке настучали, — кивнул Ягодка. — Теперь жди сестру.

Сестра долго ждать себя не заставила.

— Это кто-то у нас в самоволку собрался? — грозно спросила она. — Это ты, молодой? Ну-ка, ну-ка, я за тобой поухаживаю. — Она отвернула одеяло, обнаружила брюки. — Ага... а остальное где? — заглянув под койки, обнаружила чемодан. — Вот он где, чемоданчик-то!

— Оставь! — крикнул Сашка. — Не тобой положено, не тебе брать!

— Поговори у меня! Деловой!

Сестра прихватила чемодан и, с силой оттолкнув Сашку, вышла.

— Уйду! — крикнул он ей вслед. — Все равно уйду!

Он сел на койку, нервно разгладил подол рубахи. Оторвав матерчатую этикетку, швырнул на пол:

— Спасибо, Зуев! Пять шаров тебе из пяти!

Потом вскочил и выбежал вон.

— Уйдет, — сказал Иван Никифорович.

— Да нет... вряд ли, — возразил Зуев не очень уверенно. — Что он, раненый?

— Раненый, — сказал Горохов. — Оне все такие, эти орловские. Дубинники эти. Для них закон не писан.

Зуев поспешно вышел в коридор, выглянул на лестницу, сбегал в курилку, спустился вниз — Сашки нигде не было.

— Надо найти! — приказал Ягодка.

— Да ушел он! — сказал Горохов.

— Может, где-нибудь в чужой палате сидит? — с надеждой сказал Зуев.

С улицы в форточку прилетел свист. Зуев, Иван Никифорович, а затем и Горохов с Ягодкой прикинули к окну.

Освещенный фонарем, Сашка стоял на снегу в одной пижаме; задрал голову, кричал что-то и грозил кулаком. Вдруг он оглянулся — во двор выбежала гардеробщица. Сашка, теряя шлепанцы, нырнул в пролом забора.

Зуев бессильно сел.

И с этой минуты тревога, тупой болью ударившая его под дых, не проходила.

Чтобы сбить ее, всю субботу Зуев переламаывал себя работой, без парников, в одиночку; пропустил обед. Ягодка пришел за ним, постоял в дверях и ушел. Иван Никифорович заглянул тоже.

— Хватит вам, товарищ Зуев, — сказал он. — Вы больной человек и должны отдыхать. На вас лица нет.

Зашел Горохов.

— Кончай, Ярослав. Ты не мамонт.

Зуев не отвечал.

— Гли, на кого ты похож! А насчет Александра не сомневайся. Черт ему доспееется, молодому.

— Уйди, Яклич, — сказал Зуев.

Алевтина должна была прийти еще в четверг, не пришла. Не было ее и в пятницу, и в субботу. В воскресенье под вечер дежурная сестра сообщила Зуеву, что его ждут внизу.

За перегородкой, у щели, ждала Зуева соседка Раиса.

Зуев переменялся в лице:

— А где Алька?

— Ты только не расстраивайся шибко, Слава, — торопливо проговорила Раиса. — А ты тут похорошел даже! Такой интересный стал! Тебе так идет.

— Алька где?!

— Не придет Алевтина. Забрали ее.

— Как забрали?!

— Хищения в цеху обнаружили, — шепотом сказала Раиса. — Нарконтроль и все такое. Мастера на Алевтину велят.

— Как... велят?

— Да ведь на проходной ее задержали! Два круга колбасы несла. Такой шум затеяли, с телевизера приезжали фотографировать.

Зуев похолодел:

— Мне несла. Говорил, не надо, говорил я...

— Что уж теперь-то, Слава?

— Девчонка моя у тебя?

— Где ж ей быть. Ты о ней не тревожься. Умыта, накормлена. С Аришкой моей сидит.

— Ах, Алька, Алька...

Рушились светлые его надежды, падали как сумет с крыши, рассыпались мелкой порошей.

Раиса нашептывала:

— Алевтина в последнее время откололась от своей компашки-то. И на самом деле: ты в больнице, девчонка на руках. Не до гулянок стало. Ну вот, а они обозлились.

— Что ж делать, Райка?

— Выписывайся скорей, адвоката надо искать хорошего!

— Я виноват, я один виноват... Я ей наказал, чтобы развязалась с этими жуликами.

— Эва, нашел в чем виниться! Развязалась и хорошо, и правильно. Защитника надо, Слава, защитника!

— Ладно.— Зуев взбугрил желваки.— За дочкой присмотри там!

— Да уж присмотрю, будь надежен,— жалостливо сказала Раиса.— Так я побежала, Слава!

— Ступай... Спасибо тебе...— сказал Зуев, держась за сердце.

О том, чтобы подняться по лестнице, страшно было подумать, и он тупо стоял у лифта, забыв нажать вызов.

Сашку Брагина привезли глухой ночью, на «скорой», в сопровождении милиционера. Был он в бреду, почерневший, осунувшийся еще больше, в той же больничной пижаме.

У Зуева не было сил расспрашивать санитаров, тем более милиционера, при каких обстоятельствах Сашка попал им в руки, и он сделал вид, что спит. Ягодка, Горохов и Иван Никифорович, напротив, вскочили, набросились с вопросами. Из скудных ответов можно было в общих чертах представить, что произошло с Сашкой. Появившись в общежитии в непотребном виде, он устроил дебош, сломал дверь своей комнаты, гонялся за каким-то земляком по всем этажам, выломал еще одну дверь и тут был задержан и изолирован. В опорном пункте он выбил стекла, но с решеткой не справился, потерял сознание. Опять решили, что пьян, и доставили в вытрезвитель, но там не приняли, направили сюда, по месту лечения.

Дежурная сестра сделала Сашке укол. Он утих, а через минуту сел в кровати и спросил ясным голосом:

— Яклич, ты поужинал?

— Поужинал, поужинал, Саша!— живо откликнулся Горохов.

— А почему зубы не чистишь?

— Дак завтрекать собираюсь! А чо?

Но Сашка опять забылся.

— Спать! Всем спать!— приказала сестра и погасила свет.

— Уснешь тут...— вздохнул Иван Никифорович.

Долго ворочались в темноте, молчали.

— Включили б хоть радио, что ль!— сказал Горохов.

Ягодка включил транзистор, поймал «Маяк».

По заявке радиослушателей Свербеева и Гонидзе популярный тенор исполнял украинскую песню:

Выйди, кохання, працюю зморэна,
Хоч на хвылыночку в гай!

— Это как понимать, ребята? — спросил Горохов.

Ягодка перевел:

— Он спивает, выйди, мол, любимая, работой зморенная, хоть на минуточку у садок.

— А-а-а! — возмутился Горохов. — От же сук-кин сын! Значить, баба с работы пришла, устамши, а ему вынь да положи — выходи?!

Зув с Ягодкой отмолчались, Иван Никифорович поддакнул. Горохова забрало:

— И главное, мужики, кабы хоть дело какое неотложное, что никак без этой, без кохання не обойтись. А то ведь, айда в садок, на эту, тьфу! на хвылыночку! Какое может быть сурьезное дело на одну хвылыночку?

— На одну минуточку, — поправил его Ягодка.

— Все одно! Спал, поди, до двенадцати, посля ванну принял, пива налакался и это...

— ...на лирику потянуло, — подсказал Иван Никифорович.

— Ну! А повкалывал бы как она, не заливалси бы кенарейкой! Об чем-нибудь дельном думал, дров там привезти, крышу перекрыть. А этот? В башке только чем петъ имеется, а чем соображать, того нету-ти!

После долгих дебатов песню все-таки признали правильной, отражающей жизнь без прикрас, и великодушно оправдали тенора как поющего с чужих слов.

СОДЕРЖАНИЕ

Князь и Евражка	3
Филантроп	15
Лимитчики	26

БОГДАНОВ Евгений Николаевич

КНЯЗЬ И ЕВРАЖКА

Рассказы

Редактор М. М. Жигалова

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 10.03.89. Подписано к печати 12.05.89. А 08851. Формат 70 × 108^{1/32}.
Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10.
Усл. кр.-отт. 2,28. Уч.-изд. л. 3,28. Тираж 150 000 экз. Заказ № 324. Цена 20 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

● ДОМАШНЕЕ ИМУЩЕСТВО НАЖИВАЕТСЯ ГОДАМИ

А уничтожить или повредить его в один миг могут пожар, землетрясение, авария отопительной или водопроводной системы, десятки других неожиданных событий. Наконец, его могут украсть.

● Возместить потери поможет госстрах, если Вы своевременно заключите с ним договор.

● Страхование домашнего имущества проводится на случай уничтожения или повреждения его в результате таких событий, как пожар, взрыв, наводнение, буря, ураган, ливень, град, обвал, оползень, выход подпочвенных вод, паводок, необычные для данной местности продолжительные дожди и обильные снегопады, сель, удар молнии, землетрясение, авария отопительной системы, водопроводной и канализационной сети, проникновение воды из соседних помещений, внезапное разрушение основных конструкций жилых или подсобных помещений (стен, кровли, перекрытий, в том числе штукатурки потолка), а также на случай похищения имущества и уничтожения или повреждения его в связи с похищением (попыткой похищения).

● Застрахованными считаются принадлежащие страхователю и членам его семьи (совместно проживающим и ведущим общее хозяйство) предметы домашней обстановки, обихода и потребления (мебель, одежда, ковры, посуда, книги, продукты питания, радио- и электроприборы и др.), предназначенные для использования в личном хозяйстве в целях удовлетворения бытовых и культурных потребностей семьи.

● По специальному (отдельному) договору принимаются на страхование изделия из драгоценных металлов (золота, серебра, платины), драгоценных, полудрагоценных и поделочных (цветных) камней, а также коллекции, уникальные и антикварные вещи.

● Подробно ознакомиться с условиями страхования и заключить договор можно в инспекции госстраха или у страхового агента по месту жительства или работы.

Правление государственного
страхования СССР.